

Александр Коэн

**ГЛАВНЫЙ СЕКТАНТ
РОССИИ
ОТ ГЕСТАПО ДО РПЦ**

Главный сектант России: От Гестапо до РПЦ

Александр Козн

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Первая нить: за фасадом борца с сектами

Пролог: трибунал одного эксперта

Построение фасада: «Профессор Дворкин, я полагаю?»

Первые трещины: Путешествие в прошлое

Глава 2. Паутина Дворкина: методы, сеть и влияние

Строение паутины: структура и география

Анатомия «сектоведения»: оружие массового поражения

Машина влияния: три кита Дворкина

Глава 3. Зеркало для сектоведа

Сравнительный анализ: сектология как саморазоблачение

Глава 4. Исповедь инсайдера: «Беспоощадность к врагам Рейха»

Мнение инсайдера: РАЦИРС — служба безопасности РПЦ

Глава 5. Технология ненависти: от Кюннета до Дворкина

Риторика, берущая свое начало в нацизме

Исторические параллели: Апологетический центр Вальтера Кюннета и

РАЦИРС Александра Дворкина

Глава 6. Волк в храме: как «сектоведение» стало инструментом захвата Церкви

Яд в Чаше: подмена веры

Тень Патриарха

Глава 7. Трофеи для паука: Жатва ненависти

Трофеи инквизитора: конвейер сломанных судеб

Узурпация власти

Глава 8. Исповеди отступников и цена ненависти

Столкновение с хищником: свидетельства прямого насилия

Цена ненависти: современные охоты на ведьм

Глава 9. Франшиза Зла

Архитектор Хаоса и его Идолы

Криминальная сеть маньяков, педофилов и убийц

Эпилог

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глава 1. Первая нить: за фасадом борца с сектами

Пролог: трибунал одного эксперта

Скамьи в зале районного суда были жесткими, воздух — спертым и тяжелым, как предчувствие. Я сидел в последнем ряду, наблюдая за процессом, который изначально казался мне мелким, почти рутинным. Прокуратура требовала ликвидации небольшой, почти незаметной общины, которую ее последователи называли «Путь к Свету» (*наименование специально изменено*). На скамье подсудимых сидели несколько человек средних лет с растерянными лицами. Они недоумевали, как дело дошло до такого, говорили что-то о своей теме, гармонии, медитации. В их словах не было ни призывов к насилию, ни намек на экстремизм. Это была типичная картина для России последних лет: государство, словно неуклюжий гигант, пыталось наступить на очередной «неформат», не вписывающийся в его представления о духовности.

Дело разваливалось на глазах. Адвокат защиты методично разбивал доводы обвинения, которые сводились к тому, что подсудимые «неправильно» верят и «неправильно» собираются. Исход казался предрешенным, пока в зал не вошел он.

Александр Леонидович Дворкин.

Он появился в сопровождении двух помощников, несущих объемистые папки. Высокий, скользкий, с окладистой бородой и пронзительным хитрым взглядом из-под густых бровей. Он не шел — он нес себя, как несут знамя. Судья, до этого клевавшая носом, выпрямилась. Прокурор заметно оживился. В воздухе повисло напряжение. Его представили как главного эксперта со стороны обвинения. Профессор, доктор философии, историк, богослов, председатель Экспертного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации. Титулы сыпались, как из рога изобилия, придавая его фигуре монументальный вес.

Его выступление было не экспертным анализом. Это была проповедь. Громогласная, безапелляционная, полная ярости и презрения. Он не анализировал вероучение «Пути к Свету». Он клеймил.

— Перед нами, ваша честь, — его голос гремел, заполняя каждый кубометр зала, — классическая тоталитарная секта! Деструктивный культ, использующий методы контроля сознания для порабощения адептов, разрушения семей и выкачивания денег! Их

медитации — это не путь к гармонии, это психотехники, ломающие волю человека! Их гуру — не просветленный учитель, а циничный манипулятор!

Он не приводил фактов, он оперировал ярлыками. Каждое слово было заряжено ненавистью. Он говорил о «зомбировании», «промывке мозгов», «духовном насилии». Он постоянно ссылаясь на «многочисленные свидетельства пострадавших», которые, впрочем, так и не были представлены суду. Его речь была построена на апокалиптических образах и дешевых риторических приемах.

Но самое страшное было не в его словах, а в том, как их слушали. Судья кивала, делая пометки. Прокурор смотрел на Дворкина с благоговением. Казалось, в зале суда вершилось не правосудие, а ритуальное изгнание дьявола, где Дворкин был главным экзорцистом, а его «экспертное заключение» — святой водой, сжигающей ересь.

В тот момент я понял: судьба этих людей на скамье подсудимых была решена не здесь и не сейчас. Она была решена в тот момент, когда в дело вошел профессор Дворкин. Его слово было весомее Уголовного кодекса и Конституции. Его авторитет был абсолютен.

Именно тогда, сидя на этой неудобной скамье, я задал себе первый вопрос, ставший отправной точкой для всего расследования. Вопрос, который поначалу казался простым, но привел меня в самые темные лабиринты современной российской действительности. На чем, черт возьми, основан его авторитет?

Построение фасада: «Профессор Дворкин, я полагаю?»

Чтобы понять феномен Дворкина, я решил начать с изучения его публичного образа. Это было все равно что рассматривать тяжёлое и безликое здание, оценивая его конструкцию, фундамент и фасад. И его фасад намерено был выкрашен в претензию на значимость. Передо мной предстал образ человека-института, главного сектоборца и якобы защитника духовной безопасности страны.

Я составил список его регалий, и он выглядел как визитная карточка человека, обладающего неограниченным влиянием в своей сфере. Мой список выглядел приблизительно так:

Титулы и должности А. Л. Дворкина — и их значение для его образа:

Профессор, историк, богослов. Связан с *Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом (ПСТГУ)*. Это создаёт академическую легитимность: он

выглядит не просто как активист, а как учёный, чьи знания признаются академическим сообществом.

Председатель Экспертного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации. Это даёт государственный статус: он выступает как чиновник, обладающий реальной властью. Его экспертизы становятся официальными документами, на которые ориентируются суды и правоохранительные органы.

Президент. Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Это подчёркивает его общественный вес: он предстает как лидер целого движения, объединяющего «сектоведов» по всей стране.

Вице-президент (бывший). Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS). Обеспечивает международное признание: его деятельность вписывается в европейский контекст, что придаёт дополнительную легитимность.

Орденосец РПЦ. Русская Православная Церковь. Закрепляет за ним моральный авторитет: он действует с благословения и при поддержке крупнейшей и самой влиятельной конфессии России.

Этот фасад был безупречен. Каждая должность, каждый титул работал на создание образа непогрешимого эксперта. Он был одновременно и ученым, и чиновником, и общественным деятелем, и церковным авторитетом. Эта многоликость делала его практически неуязвимым для критики. Атакуешь его как ученого? Он прячется за статусом госслужащего. Упрекаешь в превышении полномочий чиновника? Он апеллирует к своему моральному долгу православного христианина.

Его главный труд, книга «Сектоведение. Тоталитарные секты», позиционировался как фундаментальная работа, учебник для вузов. Его постоянно приглашали на федеральные телеканалы, где он в роли грозного пророка вещал об опасностях, грозящих России со стороны «деструктивных культов». Он читал лекции для сотрудников ФСБ, МВД, прокуратуры, для учителей и студентов, формируя у целого поколения силовиков и чиновников свой специфический взгляд на мир, поделенный на «нас» (православных патриотов) и «их» (коварных сектантов, агентов Запада).

Публичный образ Дворкина был монолитен. Он — главный специалист по сектам в России. Точка. Это казалось аксиомой, не требующей доказательств.

Но я журналист. Моя работа — сомневаться в аксиомах. И я решил проверить, так ли прочен фундамент под этим величественным зданием. Я потянул за первую нить его официальной биографии, и вся конструкция начала угрожающе трещать.

Первые трещины: Путешествие в прошлое

Мое погружение в биографию Александра Дворкина напоминало работу археолога, который под слоем ложной позолоты и парадного глянца обнаруживает совсем другой, куда более сложный и зловонный материал. Чем глубже я копал, тем сильнее официальный образ расходился с поверхностными фактами.

Акт первый: Беспокойная юность

Официальная версия гласит, что Дворкин родился в 1955 году в Москве, в интеллигентной семье. Далее в его биографии, как правило, следует лагуна, и повествование переносится в США. Я решил заполнить этот пробел. Мне удалось найти сведения о его учебе в Московском педагогическом институте. Оказалось, он был отчислен. Причины в разных источниках указываются разные: то ли за участие в движении хиппи, то ли за банальную неуспеваемость. Образ будущего столпа консерватизма и традиционных ценностей как-то не вязался с патлатым юношей в джинсах-клеш. Но это была лишь первая странность.

Настоящий шок я испытал, когда в одном из архивных документов наткнулся на информацию о том, что в 70-е годы молодой Александр Дворкин находился под наблюдением в психоневрологическом диспансере. Это не были слухи или домыслы оппонентов. Это были сухие строчки медицинского заключения. Я перечитывал их несколько раз, не веря своим глазам. Диагнозы звучали тревожно: «циклотимия, патологическое развитие личности, психофизический инфантилизм».

Я не врач и не собираюсь ставить диагнозы по старым справкам. Но этот факт переворачивал все с ног на голову. Человек, который десятилетиями выносит вердикты о психическом здоровье тысяч людей, вешая на них ярлыки «зомбированных» и «психически неадекватных», сам имел в анамнезе серьезные психиатрические диагнозы. Это не просто штрих к портрету. Это фундаментальное противоречие, которое ставило под сомнение всю его дальнейшую деятельность. Была ли его одержимость «контролем сознания» и «психологическим насилием» результатом научного анализа или проекцией его собственных внутренних проблем? Этот вопрос повис в воздухе.

Акт второй: Американский вояж

6 марта 1977 года Александр Дворкин эмигрировал из СССР. Это был разгар холодной войны. Отъезд в США, особенно для человека с такой биографией, был событием нетривиальным. На Западе он продолжил свое образование и карьеру. И здесь меня ждал следующий сюрприз.

В период с 1988 по 1991 год, прямо перед своим триумфальным возвращением в Россию, Александр Дворкин работал на радиостанциях «Голос Америки» и «Радио Свобода».

Нужно понимать, что это были за организации. Обе радиостанции финансировались напрямую Конгрессом США и в советское время считались главными инструментами идеологической войны и антисоветской пропаганды. Работа там требовала не только знания языка, но и полной лояльности политическому курсу Вашингтона.

И вот тут в моей голове что-то щелкнуло. Картина перестала сходиться окончательно. Получается, человек, который сегодня позиционирует себя как главный борец с западным влиянием, защитник духовного суверенитета России от «иностранных агентов» в лице «сект», сам на протяжении нескольких лет был сотрудником американских пропагандистских структур? Человек, клеймящий оппонентов за малейшие связи с Западом, сам получал зарплату от правительства США?

Это был не просто парадокс. Это был оксюморон. Представьте себе главного диетолога страны, который годами работал шеф-поваром в McDonald's. Или главу общества трезвости, который в прошлом был ведущим дегустатором на ликеро-водочном заводе. Несоответствие было настолько вопиющим, что требовало объяснения. Но Дворкин в своих интервью и книгах предпочитает об этом периоде своей жизни либо умалчивать, либо говорить вскользь. Словно это незначительная деталь, не заслуживающая внимания. Но для меня эта деталь стала еще одной огромной трещиной в его монолитном фасаде.

Акт третий: Диссертация об Иване Грозном

Но как же его научный авторитет? Ведь он не просто активист, он доктор философии, профессор! Это был его главный козырь, основа его легитимности. Я решил изучить этот вопрос максимально тщательно.

И действительно, в 1988 году Александр Дворкин защитил в Фордхемском университете (США) диссертацию и получил степень доктора философии (Ph.D.). Факт, который никто не оспаривает. Но, как известно, дьявол кроется в деталях. И главной деталью была тема его научной работы.

Она звучала так: «Иван Грозный как религиозный тип».

Я остановился. Перечитал еще раз. Иван Грозный. XVI век. История Средневековья. Безусловно, это серьезная и сложная историческая тема. Но я пытался понять, каким образом диссертация, посвященная религиозности русского царя, жившего пять веков

назад, делает человека экспертом по Церкви саентологии, Свидетелям Иеговы или современным течениям индуизма? Это все равно что хирург-кардиолог начал бы практиковать как стоматолог, ссылаясь на свой диплом врача.

Я не был одинок в своих сомнениях. Я обнаружил, что даже Комиссия США по международной религиозной свободе (USCIRF) в своих отчетах прямо указывала на то, что Дворкин, несмотря на наличие Ph.D. по истории, не имеет признанного академического образования в области современного религиоведения.

Вот он, ключевой обман. Дворкин и его сторонники постоянно жонглируют титулом «доктор», создавая иллюзию высшей научной компетенции именно в той сфере, которой он занимается. Но его научная степень относится к совершенно другой области знаний. Его экспертиза по современным религиозным движениям — это экспертиза историка-медиевиста, а не религиоведа. Это подмена понятий, на которой, как на песке, был построен весь его авторитет «ученого».

К концу дня мой стол был завален распечатками, выписками и схемами. Фасад, который еще утром казался мне таким внушительным, лежал в руинах. Передо мной была уже не монументальная фигура ученого и государственника, а мозаика, собранная из кричащих, несовместимых друг с другом фрагментов.

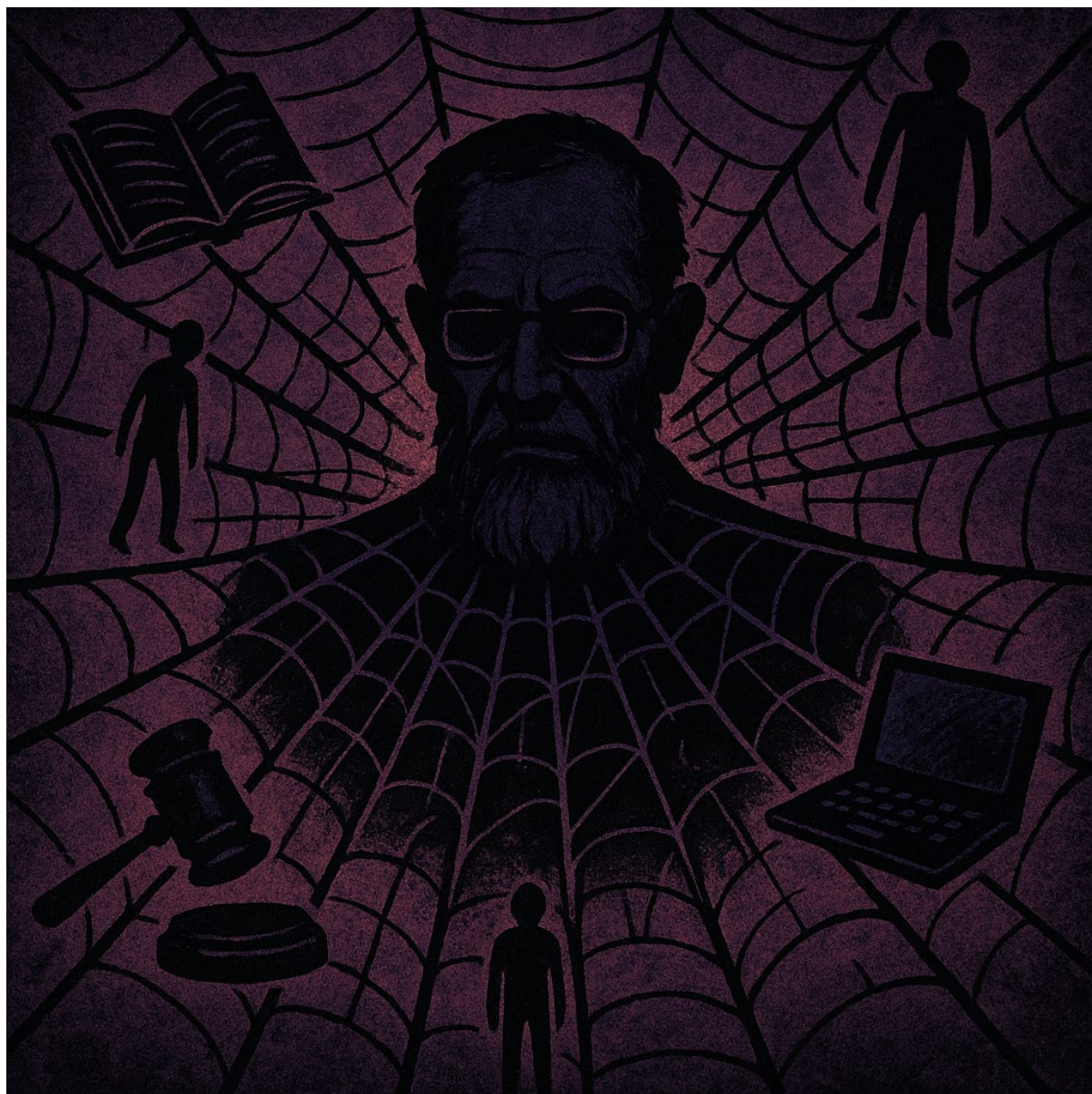
Бывший хиппи с историей наблюдений у психиатра, ставший моральным авторитетом и судьей чужого психического здоровья. Сотрудник американских пропагандистских радиостанций, ставший главным в России борцом с «западными культами». Историк-медиевист, специалист по Ивану Грозному, ставший главным в стране экспертом по современным религиям.

Каждый из этих фактов сам по себе мог быть случайностью, изгибом судьбы. Но вместе они складывались в систему. Систему несоответствий, умолчаний и прямых манипуляций. Публичный образ Александра Дворкина оказался тщательно сконструированным мифом, прикрывающим совсем другую, неизвестную реальность.

Я смотрел на портрет этого человека — уверенный взгляд, окладистая борода, вид библейского пророка — и понимал, что я не знаю о нем ничего. Все, что я знал до этого, было лишь обложкой. Глянцевой, привлекательной, но обложкой. И чтобы понять, что на самом деле написано в этой книге, мне нужно было пойти дальше. Расшифровать его методы, проанализировать его язык, распутать паутину связей, которую он так искусно плел на протяжении тридцати лет.

Главный вопрос моего расследования был сформулирован. Он был прост и одновременно бесконечно сложен: кто вы, доктор Дворкин? Расследование только начиналось.

Глава 2. Паутина Дворкина: методы, сеть и влияние

После того как я разобрал на составные части фасад «доктора Дворкина», передо мной осталась пустота. Миф развеялся, но правда еще не проявилась. Я понял, что изучать его биографию — это как пытаться понять природу паука, рассматривая его сброшенную шкуру. Чтобы понять хищника, нужно изучить его паутину: как она сплетена, из какого материала, в каких стратегически важных местах закреплена и, главное, как она ловит и парализует своих жертв.

Мое расследование перешло на новый этап. Я сместил фокус с личности Дворкина на его *modus operandi* — образ действий. Я должен был препарировать его технологию, вскрыть механизмы его влияния и нанести на карту ту разветвленную сеть, которую он выстраивал десятилетиями. Это была работа, требующая не столько архивной пыли, сколько системного анализа. Мне предстояло стать не археологом, а криптографом, расшифровывающим код его власти.

Строение паутины: структура и география

На первый взгляд, сеть Дворкина известная также как антикультовое движение в России казалось аморфным скоплением разрозненных активистов. Но при ближайшем рассмотрении проявилась четкая, иерархическая и централизованная структура. В центре этой паутины сидел сам Дворкин, а ее нити протянулись не только по всей России, но и далеко за ее пределы.

1. Российский костяк: РАЦИРС

Главным координирующим центром сети Дворкина является «Российская ассоциация центров изучения религий и сект» (РАЦИРС), созданная в середине 2000-х. Это зонтичная организация, объединившая десятки региональных «филиалов», которые, как правило, действуют на базе миссионерских отделов епархий Русской Православной Церкви. Это превратило церковные структуры в ячейки пропаганды и вербовки.

Руководство РАЦИРС — это ближний круг Дворкина, его самые верные последователи:

Протоиерей Александр Новопашин (Новосибирск) — вице-президент РАЦИРС.

Протоиерей Арсений Вилков (Рязань) — вице-президент РАЦИРС.

Священник Александр Кузьмин (Саратов) — исполнительный секретарь РАЦИРС.

Эти люди — не просто священники. Они — региональные гауляйтеры империи Дворкина, проводящие его политику на местах, организующие лекции для силовиков и студентов, пишущие доносы и инициирующие преследования.

О методах работы внутри этой сети можно судить по шокирующему свидетельству одного из бывших членов тульского отделения РАЦИРС. Он рассказал, как по случаю

приезда Дворкина они организовали «выставку-инсталляцию», посвященную «псевдоправославию»:

«...мы установили там псевдоправославный иконостас, с царскими вратами и так далее. Наверху у нас были иконы Ивана Грозного... и Адольфа Гитлера («Святой Атаульф»)... потому что действительно существуют фашистские религиозные организации, которые почитают Геринга, Гитлера и им подобных как святых... Дворкин начал все фотографировать и с восторгом позировал для фотографий в наших царских вратах с псевдоиконостасом... Я думаю, Александр Леонидович был в состоянии жуткого восторга».

Этот эпизод — не просто странная шутка. Он обнажает глубинную суть дворкинской секты: циничное глумление над святынями, заигрывание с нацистской эстетикой и патологическое восхищение образами тирании и насилия. Человек, который с восторгом позирует на фоне иконы Гитлера, — это не защитник православия. Это нечто совсем иное.

2. Международное прикрытие: FECRIS

Для легитимизации своей деятельности на международной арене Дворкин использовал Европейскую федерацию центров по исследованию и информированию о сектантстве (FECRIS) — организацию, базирующуюся во Франции и финансируемую французским правительством. С 2009 по 2021 год Дворкин занимал пост ее вице-президента. Это давало ему международную трибуну и видимость респектабельности.

Однако FECRIS, как и РАЦИРС, давно критикуется правозащитниками за разжигание ненависти и нарушение свободы совести. Методы ее членов по всей Европе поразительно похожи. Взять, к примеру, деятельность Зорана Луковича, представителя сербского филиала FECRIS. В своих интервью он рассказывал леденящие кровь истории о сатанинских сектах, которые якобы практикуют каннибализм, пьют человеческую кровь, совершают ритуальные убийства и проводят сексуальные инициации в гробах. Разумеется, без единого доказательства. Эти абсурдные и дикие обвинения — фирменный стиль сети FECRIS, и Дворкин был одним из ее ключевых идеологов.

3. Американские корни: Технологии CAN

Свои первые шаги в антикультизме Дворкин сделал еще в США, будучи связанным с организацией Cult Awareness Network (CAN). Эта структура, основанная в 1974 году, специализировалась на так называемом «депрограммировании» — насильственном похищении членов новых религиозных движений с целью заставить их отречься от своей веры.

Деятельность CAN была настолько вопиющей, что в 1996 году федеральный суд США признал ее преступной организацией, присудив выплатить многомиллионную компенсацию одной из жертв, что привело к банкротству и роспуску сети. Один из агентов CAN, Рик Росс, был осужден за похищение человека, а тюремный психиатр диагностировал у него социопатические наклонности.

Именно эти технологии — создание образа «жертвы культа», оправдание насилия «благими целями», псевдонаучная риторика о «промыывании мозгов» — Дворкин импортировал в Россию. Когда в 1991 году ФБР всерьез заинтересовалось деятельностью CAN, Дворкин спешно переехал в Германию к своему коллеге, Томасу Гандоу, а оттуда — в Россию, чтобы развернуть здесь новую, еще более масштабную версию американской преступной сети.

Анатомия «сектоведения»: оружие массового поражения

После сбора аналитической информации о функционировании разветвленной паутины влияния Дворкина, следующее, что я сделал, — это заперся в кабинете с его главной книгой, «Сектоведение. Тоталитарные секты». Этот толстый том, рекомендованный в качестве учебного пособия, был его Евангелием, его «Майн Кампф», его главным продуктом. Именно здесь был заложен краеугольный камень всей его империи. И этот камень — термин «тоталитарная секта».

Я читал и поражался. Книга, претендующая на научность, не содержала и грамма науки. В ней не было методологии исследования, объективного анализа источников, сравнительного религиоведения. Это был памфлет, манифест, сборник страшилок. Но его сила была не в научной ценности, а в гениальной простоте и эффективности главного оружия.

Термин «тоталитарная секта» — это не научная категория. Это идеологический вирус. Он гениален в своей разрушительной силе по трем причинам:

Ассоциативная связь. Слово «тоталитарный» мгновенно вызывает в сознании образы нацистской Германии и сталинского СССР. Оно апеллирует не к разуму, а к исторической травме. Приклеивая этот ярлык к группе верующих, Дворкин, по сути, ставит их в один ряд с гестапо и НКВД, автоматически лишая их права на сочувствие.

Неопределенность критериев. Что такое «тоталитаризм» в контексте небольшой религиозной общины? Контроль лидера? Но разве в армии, в монастыре или в спортивной команде нет жесткой дисциплины и авторитета командира, игумена, тренера? Дворкин намеренно использует размытые, эмоционально заряженные критерии: «контроль сознания», «бомбардировка любовью», «разрушение личности». Под них можно подвести что угодно — от курсов личностного роста до кружка по йоге.

Псевдонаучная маскировка. Обернув идеологический ярлык в обложку «сектоведения», Дворкин придал ему видимость научного знания. Он создал иллюзию, что существует целая наука, которая изучает этот феномен, и он — ее главный адепт.

Я обратился за комментариями к ведущим светским религиоведам России, чьи имена действительно что-то значат в академическом мире. Ответ был единодушным. Профессор МГУ Игорь Кантеров, доктор философских наук Екатерина Элбакян — все они в один голос заявили: термин «тоталитарная секта» является ненаучным, оценочным клише. Это инструмент не анализа, а борьбы:

«Использование термина "тоталитарная секта" в научных или юридических текстах — это признак либо некомпетентности, либо сознательной манипуляции», — сказал мне в личном разговоре один из профессоров, попросивший не называть его имени. «Дворкин не открыл новую научную дисциплину. Он создал псевдонаучный язык для легитимации ненависти».

А как же он собирал свои «доказательства»? Я начал проверять ссылки и источники в его книгах. И то, что я обнаружил, было шокирующим. Основой его «экспертиз» служили не полевые исследования, не академические работы, а вырезки из желтой прессы, анонимные посты с интернет-форумов, слухи и предвзято отобранные показания «бывших адептов», часто имеющих личные счёты с общиной. Он не изучал явление — он компилировал компромат.

И вишенкой на этом торте стало обвинение в банальном плагиате. Православный апологет Виталий Питанов публично уличил Дворкина в том, что его знаменитая брошюра «Десять вопросов навязчивому незнакомцу» — это, по сути, пересказ книги аме-

риканского «депрограммера» Стивена Хассена. Главный «сектовед» страны, оказываясь, не только не проводит собственных исследований, но и заимствует чужие тексты. Удар по его репутации как ученого и автора был сокрушительным.

Я отложил его книгу. Теперь я понял. «Сектоведение» — это не наука. Это технология. Технология дегуманизации, позволяющая превратить любого верующего, чьи взгляды не совпадают с узкими рамками идеологии Дворкина, во врага, нелюдя, «сектанта», которого можно и нужно уничтожить. Оружие было создано. Теперь нужно было понять, как оно было интегрировано в государственную машину.

Машина влияния: три кита Дворкина

Проанализировав сотни документов, интервью и судебных решений, я смог нарисовать схему. Это была не просто сеть контактов — это была полноценная машина влияния, стоящая на трех мощных опорах, трех китах, которые позволяли ей не просто держаться на плаву, а оказывать давление на всю правовую и общественную систему страны.

Кит первый: Государство

Связь Дворкина с государством — это не просто сотрудничество. Это глубокая, почти симбиотическая инфильтрация. Ключевой точкой входа стал Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, который он возглавил в 2009 году.

Это был гениальный ход. Из маргинального активиста он превратился в государственного мужа. Теперь его частное мнение, изложенное в его памфлетах, обрело силу официального документа. Его «экспертизы», написанные на основе газетных вырезок, ложились на столы судей, прокуроров и следователей по всей стране как истина в последней инстанции. Он получил право ставить государственную печать на свои идеологические ярлыки.

А дальше начались «чудесные совпадения». В 2008 году министром юстиции России становится **Александр Коновалов**. Молодой, перспективный чиновник. Я начал копать его биографию и обнаружил поразительный факт: Коновалов был выпускником Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) и слушал

там лекции профессора Дворкина. Я не сторонник теорий заговора, но когда ученик становится министром, а его бывший преподаватель возглавляет ключевой экспертный совет в его ведомстве, это наводит на размышления.

Связка Дворкин-Минюст заработала как конвейер. Его заключения стали юридическим основанием для ликвидации десятков религиозных организаций. Но этого было мало. Его влияние распространилось и на законодательную власть. Он стал главным консультантом сенатора Елены Мизулиной в ее крестовом походе против «деструктивных культов». Он был одним из идеологов печально известного «пакета Яровой», поправки которого фактически криминализировали любую миссионерскую деятельность за пределами специально отведенных мест, ударив по всем неправославным конфессиям.

Его слова, его терминология, его идеология просачивались в тексты законов и постановлений. Он не просто использовал государство — он учил государство говорить на своем языке.

Кит второй: Церковь

Если государство дало Дворкину власть, то Русская Православная Церковь дала ему нечто большее — моральную легитимность. Он стал действовать не от своего имени, а от имени самой влиятельной и многочисленной конфессии страны.

Его деятельность с самого начала получила благословение Патриарха Алексия II. Его Центр имени Иринейя Лионского (ЦРИ) функционировал как подразделение Отдела религиозного образования и катехизации РПЦ. Его награждали высокими церковными орденами. Для миллионов православных верующих он стал символом защиты веры, «церковным спецназом», воином Христовым на передовой борьбы с ересями.

Этот статус делал его практически неуязвимым. Любая критика в его адрес автоматически трактовалась как нападка на всю Русскую Православную Церковь. Он виртуозно использовал этот щит. Когда правозащитники обвиняли его в разжигании ненависти, он отвечал, что лишь выполняет свой пастырский долг. Когда ученые указывали на псевдонаучность его методов, он говорил о защите православной паствы.

Он стал голосом самой консервативной, самой радикальной и ксенофобской части церковного истеблишмента. Через него эта часть Церкви получила возможность расправляться со своими конкурентами на «духовном рынке» руками государства. РПЦ предоставила ему бренд, а он ей — технологию уничтожения оппонентов. Это был взаимовыгодный симбиоз.

Кит третий: Силовики и образование

Третий кит, на котором зиждилась его империя, был самым незаметным, но, возможно, самым важным в долгосрочной перспективе. Дворкин понял, что недостаточно иметь рычаги в министерствах и патриархии. Нужно создать армию последователей, которая будет нести его идеологию в массы.

Он развернул беспрецедентную по масштабам просветительскую (а по сути — вербовочную) деятельность. Его целевой аудиторией стали те, кто обладает реальной властью на местах:

Сотрудники силовых структур: Он читал лекции для слушателей академий ФСБ, МВД, для сотрудников прокуратуры и Следственного комитета. Он учил их видеть в пятидесятниках, баптистах и кришнаитах не граждан со своими конституционными правами, а потенциальных экстремистов и шпионов. Он давал им простой и понятный язык («тоталитарная секта»), который позволял без лишних раздумий фабриковать дела и выполнять «план по борьбе с экстремизмом».

Чиновники и педагоги: Его семинары для учителей, директоров школ и региональных чиновников стали регулярными. Он учил их «выявлять» детей, попавших в «секты», создавать атмосферу подозрительности и страха. Он формировал поколение управленцев, для которых свобода совести — это не ценность, а угроза.

Эта деятельность была направлена на то, чтобы отравить саму социальную ткань общества. Он не просто писал доносы — он учил миллионы людей писать доносы. Он создавал разветвленную сеть информаторов и адептов внутри самой системы, которые начинали действовать автономно, руководствуясь его установками. Паутина разрасталась, покрывая всю страну.

Изучив структуру машины, я перешел к анализу ее работы на практике. Я хотел увидеть, как теоретические установки и административные рычаги превращаются в реальные трагедии, сломанные судьбы и международные скандалы. Картина, которая открылась мне, была похожа на хронику боевых действий. Дворкин и его сеть вели войну без правил, используя тактику «выжженной земли».

Чем глубже я изучал биографию и деятельность Александра Дворкина, тем больше сталкивался с фактами, которые, мягко говоря, шокировали. Некоторые эпизоды заставили меня серьёзно задуматься о том, что стоит за образом «профессора богословия» и «эксперта по сектам», в котором он так уверенно предстаёт перед публикой.

Первым тревожным сигналом для меня стал инцидент в Таганском суде Москвы. В перерыве заседания Дворкин сцепился с последователем Общества сознания Кришны.

Всё началось с обычной перепалки, но закончилось тем, что «профессор богословия» буквально вцепился зубами в руку своему оппоненту. Этот факт был официально зафиксирован. Я поймал себя на мысли: человек, который заявляет о защите высших духовных ценностей, ведёт себя не как эксперт или учёный, а как уличный хулиган. Возник вопрос — это минутный срыв или проявление более глубинной черты личности, для которой моральные и этические рамки попросту не существуют?

Дальше — больше. Я наткнулся на историю кампании против индийского гуру Шри Пракаша Джи и его последователей в России. Дворкин обвинял его буквально во всём: от мошенничества до шпионажа. Результат был предсказуем: дипломатический скандал, и демонстрации в Индии, где сжигали чучело самого Дворкина. Этот эпизод заставил меня задуматься о другом: как деятельность одного человека может свести на нет усилия дипломатов и навредить стратегическим интересам России.

Следующий факт, который меня поразил, связан с его юридическими манипуляциями. В деле «Московская Хельсинкская группа против Дворкина» он публично заявил, что старейшая правозащитная организация страны «состоит на жалованье у сайентологии». МХГ подала иск, но проиграла. Суд решил, что это было лишь «оценочное мнение». Для меня это стало откровением: Дворкин выработал удобный приём — когда нужно дискредитировать оппонентов, он выступает как «государственный эксперт», а когда речь заходит об ответственности, мгновенно превращается в «частное лицо». Такая двойственность фактически позволяет ему безнаказанно клеветать, пользуясь несовершенством закона.

И наконец, я столкнулся с его постоянной практикой фабрикация угрозы. В своих публичных выступлениях он регулярно говорит о «миллионах сектантов», «городах, захваченных культами», о волне «ритуальных убийств и самоубийств». Однако запросы в МВД и Следственный комитет показали, что в официальной статистике нет никаких данных, подтверждающих его заявления. Более того, в принципе не существует отдельной категории таких преступлений. В тот момент я понял: передо мной классический пример человека, который сначала нагнетает страх и рисует картину тотальной угрозы, а затем предлагает общественности единственное решение — самого себя и свою организацию. Он не борется с проблемой. Он её конструирует, чтобы потом паразитировать на этом страхе.

К концу второго этапа моего расследования у меня больше не было вопросов о том, как работает машина Дворкина. Картина была ясна и удручающая.

Это не эксцентричный одиночка, не безобидный городской сумасшедший. Передо мной была структура, которую я мысленно назвал «Паутина». В ее центре — сам Дворкин. От него тянутся нити к ключевым институтам: к силовым ведомствам, к Министерству юстиции, к Патриархии, к средствам массовой информации. Эта паутина не просто существует — она активна. Она ловит, парализует и высасывает жизненные силы из любого, кто покажется ее хозяину чужим и опасным. Она финансируется (вопрос — кем и как, это предстояло выяснить), она имеет международное прикрытие в лице таких организаций, как FECRIS, и она постоянно рекрутирует новых адептов.

Паутина была сплетена. Ее структура и методы работы были мне понятны. Но оставался главный, последний вопрос. Вопрос, ответ на который должен был стать кульминацией всего расследования.

Какова конечная цель? В чем заключается идеология самого паука? Неужели все это лишь ради власти и денег? Или за всем этим стоит нечто большее, более глубокое и страшное?

Я чувствовал, что для ответа на этот вопрос мне нужно снова вернуться к его текстам, к его главному труду «Сектоведение». Но на этот раз читать его по-другому. Читать не как обвинение против других, а как... признание. Как описание его собственной системы. Этот путь вел меня к самому темному и шокирующему открытию во всем этом деле.

Глава 3. Зеркало для сектоведа

Я сидел в своем импровизированном штабе — съемной квартире, заваленной распечатками, книгами и вырезками из газет, — и чувствовал, как реальность начинает двоиться. Передо мной на столе, испещренная моими пометками, лежала главная книга моего «героя» — «Сектоведение. Тоталитарные секты» Александра Дворкина. Я читал ее, чтобы понять образ мыслей врага, изучить его тактику из первоисточника. Но чем глубже я погружался в классификацию сектантских признаков, тем сильнее меня охватывало странное, почти мистическое чувство дежавю.

Этот густой, вязкий текст, полный определений и характеристик, должен был стать для меня картой вражеской территории. Вместо этого он превращался в зеркало. Строчка за строчкой, страница за страницей, я читал не о «Свидетелях Иеговы» или сайнтологах. Я читал о самом Дворкине.

Контроль сознания. Гуруизм. Двойное учение. Создание образа врага. Все эти маркеры, которыми «профессор» так щедро клеймил других, вдруг начали подсвечивать его собственную деятельность с пугающей точностью. Сначала это казалось игрой ума, профессиональной деформацией — когда долго изучаешь маньяка, начинаешь видеть его черты в каждом прохожем. Но факты, собранные мной за эти недели, упрямо выстраивались в систему. Систему, до боли напоминающую ту, что описывал Дворкин.

И тогда меня пронзила гипотеза. Дерзкая, почти безумная, но объясняющая абсолютно все. Что, если «Сектоведение» — это не научный труд и не полемический памфлет? Что, если это — невольная автобиография? Буквально исповедь, написанная человеком, который так долго всматривался в бездну, что бездна начала всматриваться в него и диктовать ему свои законы. Что, если главный сектовед России, построил организацию, идеально подпадающую под его же собственное определение тоталитарной секты?

Я решил проверить эту догадку. Отложить эмоции и, как беспристрастный лаборант, сопоставить критерии Дворкина с его же делами. Это было похоже на прикладывание рентгеновского снимка к пациенту, который сам этот снимок и описывал, думая, что говорит о ком-то другом. Результат оказался шокирующим.

Сравнительный анализ: сектология как саморазоблачение

В своих работах Дворкин определяет тоталитарную секту как «авторитарную организацию, главным смыслом существования которой являются власть и деньги, для получения которых секта прикрывается псевдорелигиозными, псевдокультуроведческими и другими псевдоцелями». Это определение стало моим скальпелем. Я решил последовательно применить к деятельности «Центра религиоведческих исследований» (ЦРИ) самого Дворкина его же критерии.

Критерий №1: Гуруизм и непогрешимость лидера

Дворкин о сектах: В таких группах лидер обладает абсолютной властью, его решения безусловны, а личность — культова и непогрешима. Любая критика в его адрес недопустима и воспринимается как происки врагов.

Теперь посмотрим на самого Дворкина. Он выстроил свою публичную фигуру как единственного и высшего авторитета в области «сектоведения» в России. Его биография — эмиграция в США, работа на радио «Свобода», возвращение на родину — подается как уникальный путь посвященного, который видел «врага» в его логове и принес на родину сакральное знание о методах борьбы. Он не просто эксперт, он — мессия анти-сектантского движения.

В его кругу последователей и в сочувствующих ему СМИ его мнение не подлежит сомнению. Он не участвует в серьезных академических дискуссиях с профессиональными религиоведами на равных. Зачем? Ведь, как отмечали многие его оппоненты, он предпочитает формат лекции-проповеди, где он — вещающий с кафедры гуру, а аудитория — паства, внимающая истине в последней инстанции.

Любая критика его методов или выводов немедленно парируется по классической сектантской схеме:

Критикующий — либо сам «сектант», либо «проплачен» сектантами.

Ученые-религиоведы, оспаривающие его псевдонаучный термин «тоталитарная секта», объявляются «сектозащитниками» и «апологетами культов».

Журналисты, публикующие расследования о его деятельности, — «агентами влияния».

Эта модель полностью исключает возможность ошибки со стороны лидера. Он всегда прав. Если факты не соответствуют его теории — тем хуже для фактов. Он окружил себя ореолом непогрешимости, где любое несогласие — это не повод для дискуссии, а признак принадлежности к стану врага. Он — гуру, а его «сектоведение» — священное писание, не подлежащее ревизии. Вспомним, как бесцеремонно он публиковал под своим именем статьи, написанные его немногочисленными сотрудниками. На недоуменные вопросы следовал ответ в стиле абсолютного монарха: *«А что тут такого? Ведь вы работаете у меня»*. Это не просто неуважение к авторскому праву, это проявление ментальности хозяина, гуру, которому принадлежит все, включая мысли и труд его адептов.

Критерий №2: Контроль сознания и информации

Дворкин о сектах: Секты практикуют методы психологического влияния, ограничивают доступ к внешней информации, создавая для адептов искаженную, черно-белую картину реальности. Используется специфический «загруженный язык» (loaded language), где слова теряют свой первоначальный смысл и становятся эмоциональными триггерами.

ЦРИ Дворкина и аффилированная с ним сеть региональных «активистов» функционируют как замкнутая информационная экосистема. Для своих последователей они — единственный достоверный источник информации о «сектах». Любые альтернативные точки зрения (мнения юристов, правозащитников, религиоведов) отменяются как «лоббизм» и «пропаганда».

Главный инструмент контроля сознания у Дворкина — это язык. Он ввел в оборот и популяризовал набор эмоционально заряженных ярлыков, которые призваны не объяснять, а вызывать немедленную негативную реакцию, отключая критическое мышление:

«Тоталитарная секта»: Этот термин, не имеющий строгого научного определения, используется как клеймо, автоматически приравнивающее любую неудобную религиозную группу к преступной организации.

«Зомбирование», «промывка мозгов»: Этими терминами описывается любой процесс обращения в иную веру, что сразу лишает человека субъектности и представляет его безвольной жертвой.

«Вербовка»: Это слово заменяет понятие «миссионерство» или «проповедь», придавая религиозной деятельности оттенок шпионской или криминальной операции.

Этот новояз создает у последователей Дворкина бинарную картину мира: есть «мы» (православные, защитники духовности) и есть «они» (хищные сектанты, враги России). В этой картине мира не остается места для полутонов, для сложности и многообразия религиозной жизни. Любой пятидесятник, кришнаит или даже последователь неформального православного священника вроде Георгия Кочеткова автоматически попадает в категорию врага. Информация дозируется и подается исключительно под одним углом, формируя у адептов чувство осажденной крепости и подогревая ненависть к «другим».

Критерий №3: Создание образа врага («Мы» против «Они»)

Дворкин о сектах: Создается образ абсолютного врага. Организация позиционирует себя как единственную силу, противостоящую этому злу. Демонизация «других» оправдывает любые, даже самые агрессивные, действия против них и спланирует ряды последователей.

Это ядро всей деятельности Дворкина. Он не просто исследователь, он — крестоносец. Его миссия — не изучение, а борьба. Он конструирует тотального, экзистенциального врага, который угрожает не просто отдельным людям, а самим основам национальной безопасности, «духовному суверенитету» России. «Секты» в его риторике — это не просто группы с иным мировоззрением. Это — «полчища сектантов», «социальная инфекция», агенты западных спецслужб, разрушители семей, растлители молодежи.

Эта демонизация имеет вполне реальные, трагические последствия. Адвокат Михаил Фролов из Общества сознания Кришны рассказывал о конкретных случаях:

«Ко мне часто обращаются с жалобами люди, у которых в семьях начинаются проблемы из-за той пропаганды, которую ведет Дворкин. Когда отец начинает применять силу к своей дочери за то, что она якобы состоит в “секте”, когда муж с кулаками бросается на жену. Я уже не говорю про нападение на храм в Ростове... люди с сапёрными лопатками и арматурой ворвались в храм, побили всех: и женщин, и детей... и всё мотивировалось тем, что это опасная секта, с которой нужно бороться».

Деятельность Дворкина — это перманентная моральная паника. Он путешествует по стране, как средневековый проповедник, вещающий о грядущем апокалипсисе, только вместо чертей у него «сектанты». И эта тактика работает. Кировский районный суд Ярославля в 2006 году, рассматривая иск самого Дворкина к местной евангельской газете, фактически признал наличие причинно-следственной связи между его лекциями и последующими вспышками межрелигиозной вражды в регионах. Суд заслушал свидетелей, которые подтвердили: где бы ни появлялся «профессор», атмосфера сгущалась, а на иноверцев начинали смотреть как на врагов.

Создавая абсолютного врага, Дворкин решает главную задачу любого гуру: он делает свою деятельность абсолютно необходимой. Ведь если есть всепроникающая угроза, то должен быть и спаситель. И эту роль он без колебаний отводит себе.

Критерий №4: Двойные стандарты и эзотерический разрыв

Дворкин о сектах: Существует учение для «внешних» (exoteric) и учение для «внутренних» (esoteric). На публику организация демонстрирует благопристойный фасад, но внутри царят совершенно другие, часто более радикальные, установки.

Этот признак в деятельности Дворкина проявляется с хрестоматийной четкостью.

Для «внешних» (СМИ, широкая общественность, государственные органы) Дворкин — это респектабельный «профессор», «доктор философии», «эксперт», озабоченный «защитой жертв» и «национальной безопасностью». Его риторика носит наукообразный, заботливый характер. Он говорит об «информировании», «профилактике», «реабилитации».

Для «внутренних» (своих последователей и в ситуациях прямого столкновения) эта маска спадает. На смену «профессору» приходит агрессивный, нетерпимый борец, для которого оппоненты — не люди с другими взглядами, а нечисть, подлежащая искоренению.

Самый яркий пример этого «эзотерического разрыва» — его поведение. Вспомним скандальный судебный процесс 1997 года. На публику — респектабельный ответчик, представитель РПЦ. Но когда ситуация вышла из-под контроля, он бросился на видеооператора, а в завязавшейся потасовке, по свидетельствам очевидцев, *прокусил руку* од-

ному из истцов-кришнаитов. Можно ли представить себе «доктора философии», кусающего оппонента в зале суда? Нет. Но для лидера «боевой» группы, находящегося в «схватке с врагом», такое поведение вполне объяснимо.

Или инцидент в екатеринбургской гостинице, где он устроил дебош, пытаясь силой выдворить из холла пастора, пришедшего на его лекцию. Это не поведение ученого. Это поведение человека, который делит мир на «своих» (допущенных к телу гуру) и «чужих» (которых нужно изгнать).

Но кульминацией, идеальной иллюстрацией его методов, стал случай, который заслуживает отдельного, подробного разбора.

Критерий №5: Психологическое давление, манипуляция и эксплуатация.
Кейс: «Схватка в метро»

Майским утром 2006 года в переходе московского метро между станциями «Кузнецкий мост» и «Лубянка» произошел инцидент, который Дворкин и его последователи представили как «дерзкое нападение сектанта на профессора». Но при ближайшем рассмотрении эта история превращается из криминальной хроники в пособие по психологическим операциям.

Давайте реконструируем события по показаниям второго участника, гражданина Молдовы Сергея Косенко, и сопоставим их с версией Дворкина.

Сцена: Сергей Косенко, последователь Общества сознания Кришны, стоит в переходе и распространяет книги. В обеих руках у него тяжелая стопка изданий.

Провокация: Появляется Александр Дворкин. Он не проходит мимо, не вступает в словесную полемику. Он, по словам Косенко, подбегает, хватает его за руки и рюкзак и начинает тащить. Затем выхватывает из стопки одну из книг («Наука самосознания») и демонстративно рвет ее пополам. Это не самооборона. Это акт открытой, ничем не спровоцированной агрессии. Цель очевидна — вывести оппонента из равновесия, заставить его ответить силой.

Инверсия: Косенко, однако, на провокацию не поддается. Он просто стоит и смотрит на Дворкина. Тогда «профессор» переходит к следующей фазе. Он сам тащит Косенко к дежурной по эскалатору и требует вызвать милицию, заявляя, что *его избили*.

Давление и медийная кампания: В отделении милиции Дворкин настаивает на составлении протокола, хотя сотрудники, по словам Косенко, не видят на нем никаких повреждений и готовы отпустить распространителя книг. Пока Косенко разбирается с

документами, Дворкин уже запускает медийную волну. Его центр публикует заявление, где все перевернуто с ног на голову. Косенко превращается в агрессивного нападавшего, а сам Дворкин — в беззащитную жертву. Более того, инцидент немедленно встраивается в нужную идеологическую рамку: «Я уже давно говорю о том, что кришнаиты привлекают нелегальных иммигрантов и используют их для заработка денег для секты. Надеюсь, что это агрессивное поведение молодого человека привлечет внимание общественности к этой тоталитарной секте».

Проанализируем эту ситуацию как операцию. Это не спонтанный конфликт. Это идеально разыгранная провокация:

Создание инцидента: Напасть первым, но на человека, который заведомо находится в уязвимом положении (один, иммигрант, держит в руках книги и не может защищаться).

Обвинение жертвы (victim blaming): Немедленно объявить себя потерпевшим.

Использование властного ресурса: Привлечь полицию, используя свой статус «уважаемого человека».

Мгновенная пропаганда: Использовать инцидент как «доказательство» своей правоты и для дальнейшей демонизации врага.

Это был не просто конфликт двух людей. **Это был мастер-класс по манипуляции, публичному унижению и психологическому давлению.** И это идеально вписывается в модель поведения лидера тоталитарной группы, который сам создает конфликты, чтобы потом использовать их для укрепления своей власти и идеологии.

А что касается **финансовой эксплуатации** — еще одного важного признака секты, — то и здесь находятся параллели. Дворкин, как сообщали многочисленные источники, превратил свои лекции в доходный бизнес. Он ездил по городам и весям, где за внушительные гонорары «окучивал» местных чиновников и бизнесменов, пугая их нашептом «сект» и предлагая себя в качестве единственного спасения. Это классическая рэкетирская схема: сначала создать проблему (или преувеличить существующую), а потом продать «крышу». Власть и деньги — вот что, по определению самого Дворкина, является главной целью тоталитарной секты.

Я откинулся на спинку стула и посмотрел на исписанные листы. Сомнений не оставалось. Моя гипотеза подтвердилась с ужасающей полнотой. Картина сложилась.

Признак тоталитарной секты по А. Л. Дворкину — и как он проявляется в деятельности самого Дворкина и его организации:

Гуруизм и непогрешимость лидера. Дворкин позиционирует себя как высший, не критикуемый авторитет. Любые оппоненты подвергаются демонизации.

Контроль сознания и информации. Создаётся замкнутая информационная среда. Используется «загруженный язык», призванный отключать критическое восприятие.

Создание образа врага («Мы» против «Они»). Конструируется абсолютный враг в лице «сект». Это оправдывает миссию Дворкина и способствует сплочению его сторонников.

Двойное учение (эзотерический разрыв). Снаружи создаётся публичный образ уважаемого учёного, а в реальности проявляется агрессивное и нетерпимое поведение «борца».

Психологическое давление и манипуляция. Используются спланированные провокации (например, инцидент в метро), публичное унижение и тактика «обвинения жертвы».

Эксплуатация (власть и деньги как цель. Через нагнетание страха перед «сектами» достигаются статус, влияние и финансовые выгоды.

Александр Дворкин, главный борец с сектами в России, за годы своей деятельности создал структуру, которая является идеальным, почти лабораторным образцом того самого явления, с которым он якобы борется. Его «Центр» — это ядро культа личности. Его «сектоведение» — это доктрина этого культа. А его последователи — адепты, живущие в черно-белой картине мира, нарисованной их гуру.

Он не просто изучал секты. Он впитал их логику, их методы, их дух. Он создал секту антисектантства. И самое страшное, самое ироничное в этой истории то, что он, это понимает. Потому что именно поэтому такой он ее и создавал.

Глава 4. Исповедь инсайдера: «Беспоощадность к врагам Рейха»

В журналистском расследовании бывает переломный момент, который позволяет увидеть картину с неожиданно нового ракурса. Таким моментом для меня стала находка — опубликованная исповедь человека, который видел систему изнутри. Это был ключ, которого так не хватало, позволивший мне еще лучше понять как психологию Дворкина, так и его подозрительные связи с властью. Голосом этого ключа стал Валерий Отставных, бывший член РАЦИРС и заместитель руководителя миссионерского отдела Тульской епархии РПЦ. Его свидетельства, изложенные в статье, стали тем светом, который позволил увидеть целое. Он подтвердил мои худшие опасения и показал механизм работы РАЦИРС изнутри, объяснил его логику и раскрыл истинные цели.

Валерий Отставных — не случайный человек. Он получил образование в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете (ПСТГУ), том самом, где Дворкин является профессором и где, по иронии судьбы, учился и министр юстиции Коновалов. Отставных не просто читал книги Дворкина — он был его последователем, организовывал его визиты в Тулу, состоял в РАЦИРС. Он был винтиком в системе, пока не осознал, что машина, которой он служит момент, как это часто бывает, произошел во время публичного мероприятия. Отставных, будучи руководителем миссионерского отдела, организовал встречу с Дворкиным в Туле. Его собственная позиция была проста и, как он считал, соответствовала духу христианства: миссионерство должно идти по пути первых апостолов, без насилия и преследований. В своем выступлении он привел яркий образ:

«Я сказал, что не могу себе представить Христа, который бы пришел к Понтию Пилату и сказал: „Господин Пилат, вот видите, есть такая организация, она такая деструктивная и неправильная. Не могли бы Вы послать солдат и в прокурорском порядке принять меры к этой религиозной организации, которой, как мы считаем, руководит безумец?“ Я просто не могу себе такого представить».

Это было прямое идеологическое столкновение. Мягкая сила против грубого давления. Проповедь против доноса. Ответ Дворкина, который Отставных приводит в своей статье, стал для него откровением. Это тот самый момент, когда маска спадает, и за ли-

чиной «ученого-сектоведа» проступает холодное лицо стратега тотальной войны. Согласно тексту, Дворкин подошел к нему после выступления и сказал слова, которые стоит привести полностью:

«Валерий, Вы очень хорошо выступили, но знаете, я в молодости, примерно в Вашем возрасте, тоже был таким наивным человеком, который считал, что к сектантам надо по-христиански относиться; что не надо их преследовать и не надо с ними бороться. Я раньше считал, что, как говорил мудрый правитель в „Деяниях апостолов“, если „странный миссионер“ не от Бога, то его учение само по себе умрет, а если от Бога, то бороться с ним бесполезно и даже неправильно. Я так же считал, но со временем я понял, что бороться НАДО. Бороться надо любыми доступными способами, в том числе и сотрудничая с правоохранительными органами, с судебной системой, с прокуратурой...»

В этом коротком монологе — вся суть идеологии Дворкина. Отказ от христианского принципа доверия Божественному провидению в пользу тоталитарного принципа «борьбы любыми доступными способами». Это мировоззрение силовика, а не священнослужителя. Здесь «правоохранительные органы» и «прокуратура» становятся инструментами не правосудия, а религиозной борьбы, превращаясь в аналог инквизиции.

Осознав это, Отставных, судя по его тексту, начал видеть деятельность РАЦИРС в совершенно ином свете. Он понял, что это не научная организация, а по сути, «служба внутренней безопасности» РПЦ, следящая за идеологическим единообразием и беспощадно уничтожающая любое инакомыслие. В своей исповеди Отставных дает ответ на вопрос о главном качестве, необходимом члену РАЦИРС. Его формулировка — одно леденящее душу предложение:

«Беспощадность к врагам Рейха».

Эта фраза, брошенная бывшим инсайдером, стала для меня еще одним ключом. Она объясняла все: и жестокость методов, и используемую риторику, и полное отсутствие эмпатии. Отставных подробно описал, как эта «беспощадность» реализуется на практике. Члены РАЦИРС, по его словам, ведут настоящую «агентурную работу». Они собирают досье на «сектантов», внедряются под псевдонимами в их онлайн-группы, отслеживая не только публичные выступления, но и детали личной жизни, вплоть до того, «какое белье сушит на балконе местный пастор-протестант». Цель этого тотального шпионажа — создание «миссионерской карты России», на основе которой затем наносятся удары через прокуратуру и силовые ведомства.

И силовики откликаются. Отставных рассказал о шокирующей сцене, когда в его миссионерский отдел пришли сотрудники Центра по противодействию экстремизму (Центр «Э»). Они заявили, что «националисты закончились», и им нужны новые «враги» для отчетности. Сотрудники отдела, не моргнув глазом, предоставили им адреса «сектантов» и «методички» Дворкина. Так религиозное инакомыслие было официально приравнено к экстремизму.

Методология, как описывает ее Отставных, до смешного примитивна и до ужаса цинична. Она строится на принципе коллективной вины и вневременной ответственности.

«...преступление, совершенное, допустим, в 1968 году в штате Арканзас членом какой-то организации, и на этом строится целая концепция, что этот жуткий поступок был обусловлен тем, что человек придерживался вероучения».

Отсутствие реальных преступлений в России компенсируется отсылками к сомнительным инцидентам полувековой давности на другом конце света. А когда и этого не хватает, в ход идет главный «убойный аргумент» — обвинение в связях с Западом. Любая организация, чьи корни уходят за пределы России, автоматически объявляется шпионской сетью.

Мнение инсайдера: РАЦИРС — служба безопасности РПЦ

Цель всей этой деятельности, по мнению Отставных, проста и прагматична:

«Это способ напугать людей, чтобы они в эти организации не вступали, и напугать чиновников, чтобы они этим организациям не давали существовать».

Террор, как мы знаем, это и есть политика устрашения. А главным бенефициаром этого террора, по его словам, является «безусловно, Русская православная церковь, которая опирается на силовые ведомства». РАЦИРС стала ее карательным мечом, а Дворкин — верховным инквизитором, чьей власти боятся даже епископы. Никто в РПЦ не смеет ему перечить. Пример священника Владимира Головина, лишённого сана после кампании, инициированной Дворкиным, — тому наглядное подтверждение.

Чем дальше Отставных отходил от догм РАЦИРС, тем сильнее становилось давление. Его критические публикации вызывали ярость. Дело дошло до прямого физического столкновения с юристом РАЦИРС. В итоге Дворкин через посредника передал

«просьбу» — уйти «по собственному желанию», чтобы не нарушать «тишину и мир» в организации. Отставных согласился. Оставаться в структуре, которую он теперь считал антихристианской, не было никакого смысла.

Так закончилась его история внутри системы Дворкина. Уход не был громким скандалом, но его последующая исповедь стала чем-то большим. Она стала свидетельством из самого сердца тьмы, неопровержимым доказательством того, что под маской православного активизма скрывается тоталитарная идеология. Идеология, для которой нет «заблудших овец», а есть лишь «враги Рейха». Исповедь инсайдера показала нам ее истинное, нечеловеческое лицо.

Глава 5. Технология ненависти: от Кюннета до Дворкина

Холодный свет настольной лампы выхватывал из полумрака кабинета стопку документов и пожелтевшие страницы книг. Я продолжал свое расследование. За окном уже давно погасли огни, но я не мог оторваться. Одна фраза, произнесенная Александром Дворкиным на какой-то региональной конференции, впиалась в мозг и не отпускала, как заноза. Он говорил о новых религиозных движениях как о «раковой опухоли на теле общества». Я слышал это и раньше, но в ту ночь, сопоставляя свои находки, я вдруг осознал пугающую глубину этой метафоры. Это был не просто экспрессивный оборот

речи. Это был ключ. Ключ к пониманию всей его системы, и он открывал дверь в очень темное прошлое.

Риторика, берущая свое начало в нацизме

Мое расследование началось с простого вопроса: почему риторика главного «сектоведа» России кажется такой до боли знакомой? Я снова и снова пересматривал записи его выступлений, перечитывал его книги и статьи, и холод пробегал по спине. Передо мной на столе лежал документ — аналитическая справка, составленная моими помощниками, — где сухим, протокольным языком были изложены основные методы нацистской пропаганды. Я читал пункт за пунктом, и на полях, напротив каждого, моя рука сама выводила фамилию: «Дворкин».

Все начиналось с фундамента. Первый принцип геббельсовской машины — создание жесткой дихотомии «Мы – Они». Для нацистов это было кристально ясно: есть «мы», арийцы, носители света и культуры, и есть «они» — евреи, цыгане, славяне, экзистенциальная угроза, абсолютное зло. Эта стена, возведенная в сознании, была первым шагом к легитимации всего, что последовало дальше. А теперь я смотрел на труды Дворкина и его Российской ассоциации центров изучения религий и сект, известной как РАЦИРС. И я видел ту же самую стену, построенную из других кирпичей, но по тому же чертежу. С одной стороны — «мы», здоровая часть нации, последователи «традиционных конфессий». С другой — «они», «тоталитарные секты», «деструктивные культы». Здоровое тело нации против вируса.

Дальше — больше. Простого разделения недостаточно, врага нужно было сконструировать, придать ему осязаемые, уродливые черты. Нацистская пропаганда представляла еврея не просто оппонентом, а инородным телом, подрывающим нацию изнутри, частью всемирного заговора. Я открыл книгу Дворкина и прочитал, что «секты» — это не просто иные взгляды, это абсолютное зло, угрожающее национальной безопасности, целостности семей, «духовным устоям» России. Это не оппоненты в споре, это враги государства, засланные агенты хаоса.

Но самый страшный, самый леденящий душу параллелизм я обнаружил в языке. Чтобы немецкий обыватель смог спокойно смотреть на то, как его соседа-еврея вышвыривают из дома, этого соседа нужно было перестать считать человеком. И пропаганда

включала на полную мощность механизм дегуманизации. В ход шли медицинские и зоологические метафоры. *Ungeziefer* — паразиты, вредители. *Pest* — чума. Бациллы, которые нужно уничтожить ради «здоровья нации». И вот я снова слушаю запись выступления Дворкина, где он, с отеческой заботой в голосе, говорит о последователях новых религий. Они — «зомбированные», жертвы «промывки мозгов». Сами организации — «вирусы», «щупальца», проникшие в здоровое тело общества. Ярлык «сектант» выполняет ту же функцию, что и желтая звезда: он лишает человека имени, биографии, личности. Он больше не инженер Петров или учительница Сидорова, у которых могут быть свои, пусть и странные, убеждения. Он — «сектант», безмозглый «биоробот», объект, который нужно «спасти» или «нейтрализовать».

Примитивизация работала безотказно. Сложные экономические проблемы Германии 1930-х сводились к простому и понятному лозунгу: «Во всем виноваты евреи!». Эта формула снимала необходимость думать, анализировать, сомневаться. Она давала выход гневу и страху. Я пролистывал десятки публикаций, инициированных РАЦИРС, и видел ту же формулу, адаптированную для нашего времени. Многообразие тысяч новых религиозных течений, со своей сложной теологией, историей и социальной структурой, схлопывалось до одного пугающего ярлыка — «тоталитарная секта». Любая проблема — уход подростка из дома, развод, депрессия — получала простое объяснение, если человек хоть раз переступил порог «неправильной» церкви. Во всем виноваты секты! И эта риторика целенаправленно била по самым сильным эмоциям: родительскому страху за детей, страху перед неизвестным, страху психологических манипуляций.

И, конечно же, теория заговора. Краеугольный камень нацистской идеологии — миф о «мировом еврейском заговоре», основанный на фальшивых «Протоколах сионских мудрецов». Всемогущая тайная сила, объясняющая все неудачи и кризисы. Я взял в руки брошюру, изданную центром Дворкина. Черным по белому там было написано: деятельность «сект» в России — это не что иное, как часть глобального заговора западных спецслужб, ЦРУ и Ми-6, которые стремятся разрушить нашу страну изнутри. Структура нарратива была идентична. Менялись лишь имена врагов.

Чтобы придать этому безумию вес, требовалась научная ширма. Нацисты создали «расовую гигиену» и «расологию» — псевдонаучные дисциплины, которые с серьезным видом «доказывали» неполноценность одних рас и превосходство других. Это была «доказательная база» для Нюрнбергских законов и газовых камер. И тут я наткнулся на главный вклад Дворкина в эту технологию — «сектоведение». Дисциплина, не признанная ни одним серьезным академическим религиоведом в мире, но ставшая для Дворкина

и его последователей мощнейшим оружием. Она оперировала собственным псевдонаучным вокабуляром: «контроль сознания», «бомбардировка любовью», «токсичный культ». Эти термины, не имеющие строгих научных определений, звучали солидно и пугающе, создавая иллюзию экспертного знания и служа основанием для «экспертиз», которые ломали людям судьбы в судах. РАЦИРС, подобно министерству пропаганды, монополизировала экспертизу, объявляя любых несогласных академических ученых «агентами сект».

Сначала время я считал эти параллели лишь пугающим совпадением, своего рода зловещей мимикрией. Возможно, Дворкин интуитивно нащупал эти рычаги воздействия на массовое сознание? Но правда оказалась куда страшнее и конкретнее. Нить расследования привела меня в архивы послевоенной Германии, к трудам богословов, пытавшихся осмыслить или оправдать недавнюю катастрофу. И там, среди пыльных фолиантов, я нашел недостающее звено. Имя ему было Вальтер Кюннет.

Между Кюннетом и Дворкиным восемьдесят лет истории, рухнувшие идеологии и миллионы загубленных жизней. Но язык, которым они говорят, — язык конструирования врага — пугающе один и тот же. Это не просто сходство. Это преемственность.

Моей задачей было не просто зафиксировать наличие преемственности, а отследить путь, по которому эта технология ненависти передавалась из рук в руки, как эстафетная палочка. Путь, который начинался в кабинетах Третьего рейха и заканчивался в конференц-залах современной России.

Мое расследование этой преемственности началось с фигуры, которую сам Дворкин не раз называл своим учителем — датского теолога Йоханнеса Огорда. Именно в его «Диалог-Центре» в Орхусе в начале 90-х молодой Дворкин проходил стажировку, впитывая методологию и получая в наследство целую библиотеку по «современному сектантству». Огорд, ветеран датского Сопротивления, был личностью сложной и харизматичной. Он видел свою миссию в защите христианской Европы от волны «новых религиозных движений». Но его методы вызывали вопросы. Он клеймил йогу и гуруизм как «авторитарные» и «фашистские», видел в них угрозу, сопоставимую с тоталитарными идеологиями XX века. Для Огорда это была война, и на войне все средства хороши. Он создавал язык, который не описывал, а сразу выносил приговор.

Но Огорд был не одинок. Его ближайшим соратником и соучредителем «Международного Диалог-Центра» был немецкий пастор Фридрих Вильгельм Хаак, официальный уполномоченный по вопросам сект Евангелической церкви Баварии.

Вместе они создали мощную европейскую сеть, которая занималась не столько диалогом, сколько сбором компромата и выработкой стратегий противодействия. Хаак и Огорд были архитекторами современной антикультовой риторики в Европе. Они систематизировали подход, превратив его из частной теологической полемики в слаженную кампанию.

Хаак, как я выяснил, был фигурой крайне нетерпимой. Он открыто отвергал Всеобщую декларацию прав человека, заявляя: *«Если мы правильно понимаем нашу веру, мы не имеем права позволять „другим“ оставаться в своей вере...»*. Огорд вторил ему, высмеивая Первую поправку к Конституции США как «невроз». Это были люди, для которых свобода совести была не ценностью, а болезнью. И люди, которые действовали для того чтобы искоренить эту «болезнь». Однако кто научил их? Были ли они авторами этой системы подавления и дегуманизации? Или лишь ее прилежными учениками?

Именно здесь нить расследования уходит в тень, к фигуре, о которой антикультисты предпочитают не говорить. Это Вальтер Кюннет, немецкий теолог, чья карьера пришлась на самый мрачный период немецкой истории. В годы становления НСДАП Кюннет возглавлял «Апологетический центр», который под вывеской защиты традиционной веры от «сект» тесно сотрудничал с Гестапо. «Апологетический центр» — церковная структура, созданную для борьбы с «сектами» и иными религиозными течениями, не вписывавшимися в идеологию национал-социализма. На первый взгляд, обычная теологическая полемика. Но это было не так. Центр Кюннета стал, по сути, идеологическим подрядчиком у гестапо. Он собирал досье, разрабатывал «научные» обоснования для преследований и создавал тот самый язык, который превращал людей — Свидетелей Иеговы, мормонов, теософов — мишеней.

Кюннет был мастером превращения теологического спора в вопрос государственной безопасности. После войны он, как и многие другие пособники режима, избежал ответственности и продолжил свою академическую деятельность.

Прямые документальные доказательства личной встречи Кюннета с Хааком или Огордом найти сложно; архивы неохотно делятся такими секретами. Некоторые источники утверждают, что «нацистские знания и методы» были переданы «по прямой линии». Но для моего расследования это было уже не так важно. Я видел нечто более убедительное, чем пожелтевшая фотография с рукопожатием. Я видел структурное тождество их методов. Идеологическая ДНК была неоспорима. Хаак и Огорд, а вслед за ними и Дворкин, стали наследниками смертоносной технологии нацизма. Они воссоздали ту же самую пропагандистскую машину, лишь сменив вывеску и объект атаки.

Первым и главным элементом этой технологии является конструирование образа врага по модели «пятой колонны». Нацистская пропаганда представляла немецких евреев не просто как иноверцев, а как агентов «мирового еврейства», стремящегося уничтожить арийскую расу извне. Борьба с ними подавалась как акт национальной самообороны. Теперь прислушаемся к риторике РАЦИРС. В их публичных заявлениях «секты» — это не просто группы граждан с иными взглядами. Это, как утверждает соратник Дворкина протоиерей Александр Новопашин, инструменты враждебного влияния, чья деятельность «курируется из-за рубежа» и представляет «серьезный вызов национальной безопасности России». Структура аргумента идентична: внутренний оппонент объявляется авангардом внешнего врага, а преследование инакомыслящих — защитой суверенитета.

Второй элемент — дегуманизация через патологизацию. Чтобы снять с общества моральные ограничения на агрессию, врага нужно лишить человеческого статуса. Пропаганда Геббельса мастерски использовала медицинские и зоологические метафоры, описывая евреев как «паразитов», «бацилл» и «крыс». Но самой эффективной была метафора болезни. Еврейство объявлялось «раковой опухолью на здоровом теле нации», требующей немедленного хирургического вмешательства. И вот, спустя десятилетия, я слышу дословное воспроизведение этой формулы из уст Александра Дворкина. Называя «секты» «раковой опухолью», он не просто использует броский образ. Он активирует тот же самый психологический механизм: репрессии против «болезни» — это не насилие, а лечение, санитарная мера по оздоровлению общества. Человек, попавший в «секту», перестает быть субъектом с волей и правами; он превращается в «зомби», пассивную клетку больного организма, которую можно «лечить» без ее согласия.

Третий, неразрывно связанный с предыдущими, элемент — это использование стигматизирующего языка, создание слов-оружий. Нацистский режим породил термин *Untermensch* — «недочеловек». Это слово не было описанием, оно было приговором. Оно мгновенно выводило любого, к кому применялось, за рамки правового и человеческого поля. Александр Дворкин создал его функциональный аналог — ярлык «тоталитарная секта». Этот псевдонаучный конструкт, не имеющий четкого определения в академическом религиоведении, выполняет ту же самую задачу. Он не предназначен для анализа. Он предназначен для клеймения. Как только к названию любой организации добавляется этот ярлык, дальнейшая дискуссия становится невозможной. Группа автоматически признается деструктивной, опасной и нелегитимной, а любые доказательства или аргументы с ее стороны отметаются как проявление «промытых мозгов».

И наконец, четвертый элемент, венчающий всю конструкцию, — идеологическое обоснование дискриминации. Вся эта риторическая подготовка имеет одну конечную, абсолютно практическую цель: закрепить неравенство на законодательном уровне. Риторика нацистов о расовом превосходстве арийцев была прямой прелюдией к Нюрнбергским законам, лишившим евреев гражданских прав. А теперь послушаем Дворкина, который годами призывает к принятию законов, «существенно ограничивающих» деятельность «сект» и предоставляющих исключительные привилегии «традиционным религиям». Цель та же: создать правовую иерархию, в которой одна группа граждан по факту своего мировоззрения оказывается выше и ценнее другой.

Когда я сопоставил методы работы Апологетического центра Кюннета и РАЦИРС Дворкина, картина стала предельно ясной и пугающей. Это была не просто аналогия. Это была точная копия, работающая по той же схеме.

Исторические параллели: Апологетический центр Вальтера Кюннета и РАЦИРС Александра Дворкина

Апологетический центр Вальтера Кюннета, действовавший в нацистской Германии, и РАЦИРС Александра Дворкина, функционирующий в современной России, имеют ряд поразительных сходств.

Центр Кюннета был создан при Протестантской церкви. Формально он позиционировался как научное учреждение, занимающееся «исследованиями», но на практике его деятельность сводилась к сбору компромата для передачи властям. Аналогичным образом, РАЦИРС был учреждён под эгидой Русской Православной Церкви: официально он занимается «исследованиями», но фактически ведёт информационную войну и практику доносов.

Важным инструментом деятельности Кюннета были «чёрные списки»: он вел и постоянно расширял перечень «опасных сект», и уже к 1936 году в списках значилось около 500 групп. Эти списки становились основанием для арестов. Дворкин использует ту же практику, составляя и публикуя списки «тоталитарных сект», которые затем используются силовыми структурами как предлог для проверок и преследований.

Особую роль играла псевдонаучная деятельность. Кюннет готовил клеветнические «псевдоэкспертные отчёты» для гестапо, которые служили инструментом легитимации отправки людей в концлагеря. Дворкин аналогично готовит «экспертные заключения»,

которые используются в качестве основания для возбуждения уголовных дел и запрета организаций.

Обе структуры тесно взаимодействовали и взаимодействуют с государственными органами. Центр Кюннета активно обменивался информацией с гестапо, фактически направляя репрессивные действия государства. РАЦИРС в современной России регулярно предоставляет материалы властям, инициируя проверки, преследования и судебные процессы.

Идеологическое ядро обоих центров также схоже. Для Кюннета это был отказ от универсальных прав и объявление оппонентов «чужеродным телом», подлежащим искоренению. У Дворкина мы видим ту же логику: отказ от «так называемых общечеловеческих ценностей» и риторика, где оппоненты объявляются «раковой опухолью», которую необходимо удалить.

Так круг замкнулся. Технология ненависти, отточенная в кабинетах «Апологетического центра» Вальтера Кюннета для нужд нацистского государства, была бережно сохранена и адаптирована его послевоенными последователями, Огордом и Хааком. А затем, в новой исторической реальности, ее импортировал в Россию их самый преданный ученик. Он привез с собой не просто идеи, а отточенную за десятилетия методологию. И он блестяще адаптировал ее, соединив западную антикультовую риторику с близкими и понятными в России идеями защиты «канонической территории» православия и риторикой государственной безопасности.

Передо мной на столе выстроилась четкая, непрерывная линия преемственности. Технология создания и уничтожения «врага», рожденная в кабинетах нацистских теологов вроде Вальтера Кюннета, была модифицирована и секуляризирована в послевоенной Европе Хааком и Огордом, а затем, в готовом виде, импортирована в Россию Александром Дворкиным. Это была не преемственность не только идеологии нацизма, а и нечто куда более коварное — преемственность его *методов*.

И глядя на эту ужасающую схему, я понял: деятельность сети Дворкина — это не просто «борьба с сектами» и не защита «духовных скреп». Это целенаправленная, системная работа по возвращению идеологии ненависти, использующая те же самые пропагандистские лекала, что и самый бесчеловечный режим XX века. Цели изменились, слова стали другими, но машина по расчеловечиванию и натравливанию одной части общества на другую работает по старым чертежам. Это нацизм в новой, респектабельной упаковке, получивший благословение и трибуну.

Александр Дворкин и его соратники — не просто критики нетрадиционной религиозности. Они операторы проверенной временем пропагандистской машины, чья конечная цель не диалог и не защита, а социальная сегрегация и поражение в правах целых групп сограждан. И самое страшное, что эта машина, однажды запущенная, работает почти автономно. Ей уже не всегда нужен оператор. Она питается страхом, невежеством и ненавистью, которые сама же и порождает.

Теперь я понимаю: «сектоведение» в том виде, в котором его практикует Дворкин, — это не просто спорная научная дисциплина или форма межрелигиозной конкуренции. Это прямое, непрерывное идеологическое наследие, берущее свое начало в организации, которая поставляла списки для гестапо и идеологически обосновывала Холокост. Это технология расчеловечивания и уничтожения инакомыслия, отточенная в Третьем рейхе и бережно переданная из поколения в поколение. И сегодня она работает снова.

Глава 6. Волк в храме: как «сектоведение» стало инструментом захвата Церкви

Должен признаться, я всегда был скептиком. Я привык смотреть на Церковь как на институт — со своими интересами, властной вертикалью и темными углами. Я видел в ней силу, порой архаичную, порой авторитарную, и моя критика была направлена на систему. Когда я начал это расследование, я думал, что история Дворкина — это просто еще одна, пусть и особенно уродливая, глава в книге институциональных грехов. Я полагал, что его «сектоведение» — это удобный инструмент, который Церковь использует для борьбы с конкурентами. Я думал, что нашел корень зла в самой системе. Я ошибался. Глубоко и фатально.

Я сидел в тишине своего кабинета, перечитывая выводы предыдущей главы. Технология ненависти, заимствованная у нацистской пропаганды, дегуманизация, создание образа врага — все это было неопровержимым. Но это описывало лишь внешнюю войну. И пока я, как полевой командир, чертил на карте схемы этой войны, я упустил главное. Враг не штурмовал крепость снаружи. Он давно был внутри.

Мое прежнее отношение к Церкви, мой циничный взгляд на нее как на монолитную корпорацию, мешал мне увидеть трагедию во всей ее полноте. Я видел агрессора, но не видел жертву. И теперь, глядя на собранные факты, я понял: Русская Православная Церковь в этой истории — не столько заказчик, сколько первая и главная цель захвата. Волк, которого я выслеживал, был не просто нанят пастухами для охоты на чужих овец. Он вошел в овчарню, надел шкуру пастуха и начал пожирать стадо изнутри, объявляя самых преданных псов бешеными, а лучших овец — паршивыми.

Все встало на свои места, когда я случайно наткнулся на старый, почти забытый богословский текст — толкование преподобного Ефрема Сирина, святого IV века, на Второе послание апостола Павла к Фессалоникийцам. Я читал строки, написанные тысячу шестьсот лет назад, и по моей спине бежал ледяной холод. Святой описывал приход антихриста, и его портрет не имел ничего общего с рогатым чудовищем из голливудских фильмов. Это был портрет политика, стратега, мастера мимикрии.

«Он явится и войдет в храм Божий, чтобы сесть внутри, и именно в Церкви Божией. Он не отклоняется ни к какому другому обществу от еретических сект, чтобы его не узнали, но с презрением отвергает все культы

(ложные), чтобы Церковь могла быть пленена... Он покажет это еще более через вражду, которую он будет вести против еретических сект. Поскольку он не будет склоняться ни к какой ереси, благодаря своей (притворной) любви к детям Церкви, он заставит их думать, что любит их... Он будет притворяться так искусно, что пленит народ... и будет управлять Церковью под видом истины».

Я перечитывал эти строки снова и снова. «С презрением отвергает все культы... ведет вражду против еретических сект... притворная любовь к детям Церкви... управлять Церковью под видом истины». Это была не просто аналогия. Это было техническое описание. *Modus operandi* Александра Дворкина.

Он не внешний враг, штурмующий стены храма. Он тот, кто вошел внутрь, сел в нем как свой и начал действовать, подменяя собой Хозяина дома. И его главным оружием стала именно борьба с «сектами». Она была его пропуском, его алиби, его маской благочестия, которая позволила ему начать перестраивать сам храм изнутри.

Как ему это удалось? Ответ крылся в аббревиатуре, которую я встречал сотни раз, и которую уже упоминал и объяснил в ходе своего расследования, — РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект. На бумаге — общественная организация. На деле — идеально выстроенная параллельная структура власти внутри Русской Православной Церкви.

Дворкин методично, епархия за епархией, создавал свои «центры». Священник, назначенный ответственным за «антисектантскую работу» в регионе, автоматически становился не просто сотрудником епархии, а ячейкой сети РАЦИРС. Он получал инструкции, методички и идеологическую накачку не от своего епископа, а напрямую из московского центра Дворкина. Так возникла теневая вертикаль власти, своего рода церковный аналог политических комиссаров или службы внутренней безопасности, пронизавшая всю структуру РПЦ и подотчетная лишь одному человеку.

Эта сеть стала его инквизицией. Любой священник, чья проповедь была слишком сосредоточена на Евангелии — на любви, прощении и милосердии — и недостаточно на поиске «врагов» и «сектантских угроз», рисковал попасть под ее удар. Достаточно было жалобы от «бдительных» прихожан, обработанных пропагандой РАЦИРС, или доноса от коллеги-«сектоведа», и запускалась машина церковного суда. Машина, где главными экспертами и обвинителями выступали люди Дворкина.

Примеры были у меня перед глазами, и они кричали о системности происходящего.

Протоиерей Владимир Головин. Популярный священник, собиравший тысячи людей на свои проповеди. Когда его деятельность стала слишком заметной, Дворкин и его правая рука, протоиерей Александр Новопашин, развернули против него кампанию такой мощи, что, по подсчетам моих коллег, они выпустили о Головине больше разоблачительных материалов, чем обо всех «сектах», вместе взятых, за 25 лет. Его запретили в служении. Устранили.

Протоиерей Алексей Уминский и диакон Андрей Кураев. Эти имена были на слуху у всей церковной России. Интеллектуалы, миссионеры, люди огромного личного авторитета. Когда-то они были соратниками Дворкина. Но их авторитет был основан на знании, вере и любви паствы. Авторитет Дворкина — на страхе и административном ресурсе. Когда их пути разошлись, когда они посмели остаться верными духу Евангелия, а не букве «сектоведения», система их перемолола и выплюнула. Их лишили сана, изгнали. А Дворкин остался. И его влияние лишь укрепилось.

Механизм был безжалостен и прост: любой, кто в Церкви становится более авторитетным, чем он, любой, кто проповедует Христа, а не «духовную безопасность», должен быть уничтожен. Он расчищал поляну. Но не для Патриарха. Для себя.

Яд в Чаше: подмена веры

Но кадровые чистки были лишь инструментом. Главной целью была идеологическая диверсия — подмена самого содержания веры. Это стало для меня самым страшным открытием.

Однажды на конференции Дворкин произнес фразу, которую я сначала счел просто неудачной шуткой, но позже осознал ее чудовищный смысл. Рассуждая о людях, которые говорят «у меня Бог в душе», он съязвил:

«„Бог в душе“ — как будто, простите, Бог — это плесень, которая заводится в душе сама по себе. Всегда хочется задать вопрос: „А когда Он у вас завелся, и откуда вы, собственно, знаете, что Он там есть? Каковы плоды и как зовут того Бога в вашей душе?“»

Плесень. Он сравнил присутствие Бога в человеке с плесенью. Он глумился над самой сутью Евангелия, над словами Христа: «Царствие Божие внутри вас есть»

(Лк. 17:21). Для него Бог — это не живая реальность, доступная каждому в глубине сердца, а нечто внешнее, что можно получить только через правильную организацию. Его организацию. Это было не просто богословское расхождение. Это было объявление войны Христу.

А дальше — больше. Если изгнать из учения Христа любовь, чем заполнить пустоту? Идеология Дворкина дала ответ: ветхозаветной жестокостью. Я наткнулся на запись эфира на официальном телеканале Московского Патриархата «СПАС». В студии сидел один из ближайших соратников Дворкина, директор радио «Радонеж» Евгений Никифоров, и с ледяным спокойствием проповедовал новое евангелие — евангелие ненависти:

«В Украине болезнь зашла так далеко, что никакими уговорами... ее уже не вылечить — там возможна только хирургия... Ответ на выступления „нациков“ один: „Солнцепек“. Это надо выжигать совершенно... Мне могут сказать: „Ой, это не по-христиански“ — по-христиански! Вполне! ...для вас [язычников] не новозаветная этика, а ветхозаветная — этика пророка Илии, который собственноручно перерезал триста (300) жрецов Ваала. Вот так и с этими надо поступать — уничтожать, не сомневаясь ни на секунду. Только ветхозаветная этика».

Я слушал и не верил своим ушам. На официальном церковном канале проповедовалось массовое убийство. Заповедь «не убий» была отменена. Любовь к врагам заменена призывом «выжигать». Новый Завет, принесенный Христом, был объявлен недействительным и заменен на жестокость Завета Ветхого.

Вот он, конечный продукт идеологии Дворкина. Вот та «истина», под видом которой он управляет Церковью. Это полное, тотальное извращение христианства. Создание новой религии — религии силы, ненависти и «духовной безопасности», где нет места Христу.

Тень Патриарха

Оставался последний вопрос. Кто он? Откуда он черпал эту уверенность, эту легитимность? Мое расследование привело меня к знаковой фигуре в его биографии.

Датский «антикультист» Йоханнес Огорд, которого Дворкин называет своим учителем. И здесь я нашел жемчужину, деталь, которая сложила всю картину. На официальном сайте Новосибирской епархии, возглавляемой тем самым Новопашиным, соратником Дворкина, я обнаружил новость, где Огорд был назван... «патриархом современного христианского сектоведения».

Патриархом! Этот сакральный, высший титул в Церкви был применен к светскому датчанину, основателю движения ненависти. Это была не оговорка. Это был Фрейд в чистом виде. Они создали свою церковь. И у нее был свой «патриарх».

И тогда вопрос повис в воздухе моего прокурорного кабинета с оглушительной ясностью. Если Огорд был «патриархом»... то кем стал его главный ученик и преемник в России, человек, построивший свою империю внутри РПЦ и насадивший свою идеологию? Кто теперь реальный, а не номинальный, патриарх для этой армии «сектоведов», марширующей по епархиям?

Ответ был очевиден. Дворкин не просто захватывает власть. Он узурпирует авторитет. Он создал свою церковь внутри Церкви, со своей иерархией (РАЦИРС), своей инквизицией, своим символом веры (ненависть к «сектам») и своим богом (безопасность). Он сел «в храм Божием как Бог, выдавая себя за Бога». Он правит *вместо* Христа — что и является одним из буквальных значений слова «антихрист».

И глядя на эту картину, я больше не мог отделаться от мучительного вопроса, который теперь был обращен не к Дворкину, а ко всем, кто называет себя православным христианином. Ко всем, кто молчит, видя это. Где вы? Неужели вы не видите, что распятие происходит снова? Только на этот раз не на Голгофе, а в самом сердце Церкви. И совершают его не римские солдаты, а те, кто носит кресты и клянется в верности Христу, чье учение они выжигают «Солнцепеками»...

Глава 7. Трофеи для паука: Жатва ненависти

Завершив часть расследования, я стоял перед картой, которую сам же и начертил. Это была не географическая карта, а схема паутины, сплетенной Александром Дворкиным и его темной преемственностью. Идеологический фундамент из нацистского прошлого, организационный каркас из российских и международных структур, щупальца, проникшие в законодательную, исполнительную, в судебную власть и, конечно же, в церковь... Машина ненависти была собрана, ее чертежи изучены, а принципы работы — понятны. Но любая машина создается для чего-то. Двигатель — чтобы вращать колеса, печатный станок — чтобы выпускать газеты. А для чего была создана тоталитарная секта Дворкина?

Ответ был прост и страшен. Чтобы разрушать.

Передо мной стоял последний, самый важный и самый страшный этап расследования. Я должен был пройти по пепелищам, которые оставила после себя эта машина, и посмотреть в глаза ее жертвам. Не абстрактным «сектантам», а живым людям с именами, семьями, судьбами. Я должен был собрать «трофеи» этого инквизитора, чтобы оценить реальный масштаб катастрофы, которую он устроил в масштабах целой страны. Я начал свой путь по выжженной земле, оставленной Дворкиным, и увиденное превзошло мои самые мрачные ожидания.

Трофеи инквизитора: конвейер сломанных судеб

Машина Дворкина работала как хорошо отлаженный конвейер. На входе — любая негодная ему организация, на выходе — запрет, уголовные дела, конфискованное имущество и сломанные жизни. Схема, отработанная до автоматизма за годы практики, выглядела так:

Информационная атака: Сеть Дворкина через подконтрольные СМИ, лекции для силовиков и «экспертов» создает образ врага, навешивая ярлык «тоталитарной секты».

Инициация преследования: Доносы и сфабрикованные «экспертные» заключения от членов РАЦИРС направляются в правоохранительные органы.

Юридическая расправа: С помощью лояльных прокуроров, следователей и судей, а также законов, пролоббированных самой же сетью (включая печально известный «пакет Яровой»), организацию признают экстремистской или нежелательной.

Репрессии: Массовые обыски, аресты, издевательства, пытки, тюремные сроки, конфискация имущества.

Я решил сосредоточиться на самых показательных «трофеях», которые в полной мере демонстрировали всю мощь и безжалостность этого конвейера.

1. Трофей №1: Свидетели Иеговы — «Экстремисты» с Библией в руках

Пожалуй, самой масштабной и жестокой кампанией, развязанной сектой Дворкина, стало планомерное уничтожение Свидетелей Иеговы в России. Эта христианская деноминация, известная во всем мире своим пацифизмом и политической нейтральностью, стала для Дворкина идеальной мишенью. В течение многих лет он и его приспешники вели против них войну, обвиняя во всех смертных грехах: от разрушения семей и отказа от переливания крови до шпионажа и подготовки государственного переворота.

Кульминация наступила 20 апреля 2017 года, когда Верховный суд России, опираясь на заключения «карманных экспертов», подготовленные в недрах сети Дворкина, признал «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и все его 395 региональных отделений экстремистскими организациями, запретив их деятельность и ликвидировав их. С этого момента по всей стране покатила волна репрессий, сравнимая по своему размаху и абсурдности со средневековой охотой на ведьм.

Начались массовые обыски, часто с применением неоправданной силы. В дома верующих, от Калининграда до Камчатки, врываются вооруженные силовики в масках, клали на пол пожилых людей и детей, изымали Библии, религиозную литературу и личные гаджеты. Сотни людей были брошены в тюрьмы. Их «преступление» заключалось в том, что они собирались вместе, читали Библию и молились. Им вменяли в вину «организацию деятельности экстремистской организации» (статья 282.2 УК РФ), наказание по которой, благодаря «пакету Яровой», было ужесточено до десяти лет лишения свободы.

Приговоры поражали своей жестокостью. Пожилые мужчины и женщины, никогда не державшие в руках оружия, получали по 6, 8, а то и 10 лет лишения свободы. Датчанин Деннис Кристенсен, мирно живший в Орле, стал одной из первых жертв, получив 6 лет колонии в феврале 2019 года. За ним последовали сотни других. К концу 2019 года под уголовным преследованием находились уже 287 человек, из них 46 — в СИЗО. За

один только 2019 год было проведено 491 рейд по домам верующих. В Сургуте задержанных пытали: им надевали мешки на голову, били и применяли электрошокер, выбивая признательные показания.

Это была не борьба с экстремизмом. Это была показательная расправа. Дворкин и его сеть продемонстрировали, что могут уничтожить любую, даже самую крупную и законопослушную религиозную организацию, если она стоит у них на пути. Имущество организаций, строившееся десятилетиями на пожертвования верующих, было конфисковано в пользу государства. Десятки тысяч людей в одночасье стали в своей стране преступниками. Это был триумф инквизиции.

2. Трофей №2: Саентологи — «Нежелательные» мыслители

Следующей крупной мишенью стали саентологи. Их учение, основанное на трудах Рона Хаббарда, всегда вызывало споры, но до прихода Дворкина они десятилетиями легально работали в России, занимаясь образовательными и социальными программами. Для Дворкина они были лакомым куском: международная организация с разветвленной структурой и ресурсами, которую можно было обвинить в шпионаже и незаконной деятельности.

Атака разворачивалась по знакомому сценарию. Сначала — многолетняя кампания в СМИ, где саентологию называли «коммерческим культом», «психокультом» и «агентами ЦРУ». Затем в дело вступили «эксперты» из РАЦИРС, которые в своих заключениях для судов и прокуратуры утверждали, что саентология «разрушает личность» и представляет угрозу национальной безопасности.

Результат был предсказуем. В 2021 году Генеральная прокуратура признала несколько американских и британских саентологических организаций «нежелательными» на территории России. Это решение автоматически криминализовало любую связь с ними. Против руководителей и последователей Саентологической церкви Москвы и Санкт-Петербурга были возбуждены уголовные дела по статьям об организации экстремистского сообщества и незаконном предпринимательстве. Их офисы были разгромлены, а лидеры арестованы.

Конвейер снова сработал безупречно. Ярлык «нежелательной организации» стал еще одним инструментом в арсенале Дворкина для расправы с неудобными.

3. Трофей №3: «Бхагавад-гита» — “Экстремистский” эпос

Этот случай стоит особняком, потому что он демонстрирует не только жестокость, но и запредельный абсурд, на который способна секта Дворкина. В 2011 году прокуратура Томска, основываясь на «экспертном» заключении, потребовала признать экстремистским материалом книгу «Бхагавад-гита как она есть» — комментарий к одному из самых почитаемых священных текстов индуизма.

Инициатором этого процесса, как выяснилось, было местное отделение РАЦИРС, действовавшее по указке из центра. «Эксперты» из Томского государственного университета, не будучи специалистами по индуизму, усмотрели в древнем тексте призывы к насилию и утверждения о превосходстве одной религии над другой. Они, по сути, обвинили в экстремизме одну из древнейших мировых религий.

Этот процесс стал позором для России на международной арене. В Индии, где «Бхагавад-гита» является священной книгой для сотен миллионов людей, новость вызвала бурю негодования. Парламент Индии был вынужден прервать свою работу, чтобы обсудить оскорбительный судебный процесс в дружественной стране. Как метко заметил юрист Михаил Фролов, участвовавший в защите на том процессе, этот скандал нанес колоссальный репутационный ущерб российско-индийским отношениям.

«Борьба с мнимым экстремизмом в религиозных текстах порождает реально враждебное отношение к законопослушным последователям изложенного в таком тексте вероучения», — констатировал он.

Под давлением международного скандала суд в Томске в итоге отклонил иск прокуратуры. Но это была лишь временная победа. Сам факт того, что священная книга одной из мировых религий могла оказаться в списке экстремистских материалов по прихоти «сектоведов», наглядно показал, как далеко зашел этот маразм.

4. Трофей №4: Йога — Угроза национальной безопасности в СИЗО

Если дело «Бхагавад-гиты» было примером абсурда, то история с запретом йоги в следственных изоляторах стала его апофеозом. В 2018 году Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН) запустила успешный пилотный проект по проведению занятий йогой для заключенных в московских СИЗО, в частности, в «Бутырке». Руководство тюрьмы отмечало, что занятия помогают снизить уровень стресса и агрессии, а заключенные, практикующие йогу, практически перестали обращаться за медицинской помощью.

Но для секты Дворкина это был вызов. Йога — часть индуистской культуры, которую он люто ненавидел. И он нашел способ уничтожить даже эту безобидную и полезную инициативу. В 2019 году он написал письмо своему верному лоббисту, сенатору Елене Мизулиной. Содержание этого письма иначе как бредом сумасшедшего назвать нельзя. Дворкин утверждал:

«В условиях СИЗО такие практики могут привести к неконтролируемому сексуальному возбуждению у практикующих и, как следствие, к возникновению гомосексуальных отношений у заключенных в отделении бытового обслуживания».

По его логике, это должно было привести к тюремным бунтам, так как другие заключенные откажутся принимать пищу из рук гомосексуалистов. Мизулина, не моргнув глазом, направила этот бред в виде официального запроса Генеральному прокурору. И машина сработала. Занятия йогой в СИЗО были немедленно приостановлены до выяснения обстоятельств.

Этот эпизод — квинтэссенция деятельности Дворкина. Патологическая ненависть, иррациональные аргументы, использование административного ресурса для достижения своих целей, даже если они наносят прямой вред. Человек, боящийся, что йога в тюрьме вызовет гей-революцию, — это не эксперт. Это пациент. Но в созданной им системе именно такие пациенты решают судьбы государственных программ.

Собрав эти «трофеи», я увидел общую картину. Это были не отдельные эксцессы, не случайные перегибы на местах. Это была системная работа по захвату и извращению государственных институтов. Сеть Дворкина не просто сосуществовала с государством, она поглотила его, превратив в инструмент для реализации своей садистской воли.

Узурпация власти

Все три ветви власти, призванные служить сдержками и противовесами друг для друга, слились в единый репрессивный кулак, который направляла рука одного человека — Александра Дворкина. Человека, который, согласно диагнозу врачей, не способен адекватно оценивать реальность.

Законодательная власть стала штамповать репрессивные законы по лекалам Дворкина, от «пакета Яровой» до абсурдных инициатив Мизулиной.

Исполнительная власть в лице Минюста, ФСБ, МВД и прокуратуры превратилась в его личную гвардию, послушно исполняющую приказы по травле неугодных.

Судебная власть утратила независимость, став театром, где в роли судей выступали марионетки, а единственным сценарием были «экспертные заключения», написанные самими же палачами.

Я понял, что пришло время для вынесения приговора. Но этот приговор должен был вынести не я. Его уже давно вынесли те, кто десятилетиями наблюдал за этой вакханалией, — независимые ученые, правозащитники и юристы. Их голоса тонули в хоре пропаганды, но теперь пришло время собрать их воедино.

Подрыв правовых основ

Собирая мнения экспертов, я был поражен их единодушием. Десятки авторитетных религиоведов, юристов и правозащитников из России и со всего мира на протяжении многих лет кричали об опасности, которую несет Дворкин. Их слова, собранные вместе, звучали как обвинительное заключение на трибунале.

Итальянский социолог Массимо Интровинье, один из ведущих мировых специалистов по новым религиозным движениям, был категоричен:

«Я бы сказал, что его не воспринимают всерьез на международном уровне. Когда он пытался приехать на какие-то научные конференции, его в той или иной степени высмеивали... его не воспринимали всерьез, и он перестал приезжать».

Российский религиовед Сергей Иваненко, лично знавший Дворкина с начала 90-х, сделал убийственно точное психологическое наблюдение:

«У меня сложилось отчетливое впечатление о личности А. Л. Дворкина... горящие глаза, агрессивная речь, безудержная демагогия и плохое знание обсуждаемой темы. Я чувствовал, что смотрю на персонажа Хлестакова во плоти. Двух Александров — Хлестакова и Дворкина — объединяет склонность к патологической лжи».

Адвокат Владимир Ряховский, сопредседатель Славянского правового центра, прямо назвал вещи своими именами:

«...по сути, Центр Иринея Лионского во главе с Дворкиным сам является в высшей степени деструктивной сектой. Основанный на лжи, он разжигает вражду к ряду законопослушных религиозных организаций, которые официально признаны и легально действуют в нашей стране».

Американский профессор Уильям Шмидт подвел итог деятельности «сектоведа» одной короткой и страшной фразой:

«Дворкин оставил после себя выжженную землю».

Борис Фаликов, Екатерина Элбакян, Роман Лункин, Анатолий Пчелинцев, Александр Верховский, Лев Левинсон — десятки имен, десятки голосов, звучавших в унисон. Они говорили о научной несостоятельности, о разжигании ненависти, о нанесении вреда репутации Русской Православной Церкви, об угрозе гражданскому миру. Они предупреждали, что назначение Дворкина главой экспертного совета при Минюсте — это «акт либо высокомерия, либо безумия». Они видели, что его деятельность ведет страну к «балканскому сценарию» — к национальному коллапсу.

Но их не слышали. Их голоса были шепотом на фоне рева пропагандистской машины, которую Дворкин построил при поддержке государства, опираясь при этом на нацистские лекала.

Глава 8. Исповеди отступников и цена ненависти

Если предыдущие главы была вскрытием, то эта — сеанс в морге, где на холодном столе лежит не абстрактное понятие легитимности, а живые, истерзанные судьбы. Предыдущие части моего расследования были посвящены анатомии монстра — его идеологическому скелету и генеалогии, его организационной мускулатуре, его нервной системе, опутавшей государственные институты. Я препарировал систему, построенную Александром Дворкиным, и показал, что ее фундамент — юридический, академический, международный — это фикция, картонный домик, который держится на страхе и обмане, беря свои корни в нацизме.

Но за сухим анализом, за схемами и цитатами из отчетов всегда теряется главное — человеческая боль. Статистика запрещенных организаций, перечень уголовных дел, списки «трофеев» инквизитора — все это цифры. Но за каждой цифрой — искаленная жизнь, разрушенная семья, растоптанная мечта. Цена деятельности Дворкина измеряется не в судебных издержках или репутационных потерях. Она измеряется в шрамах — на теле и в душе.

В этой главе я решил отойти от системного анализа и дать голос тем, кто заплатил эту цену. Их истории — это не просто свидетельства. Это исповеди. Исповеди «отступников». В ироничном, дворкинском смысле этого слова. Во-первых, это те, кого он сам заклеил отступниками от «истинной веры» — его жертвы, которых он травил, преследовал и пытался уничтожить. А во-вторых, что гораздо важнее, это отступники от его собственной догмы ненависти. Те, кто был внутри его системы, кто видел ее гнилое нутро и нашел в себе силы порвать с ней.

Я отправляюсь в это путешествие по выжженной им земле, чтобы услышать их голоса. Потому что только они могут рассказать, какова на самом деле цена этой многолетней оргии ненависти.

Столкновение с хищником: свидетельства прямого насилия

Первое, что необходимо понять о Дворкине: его агрессия — это не метафора, не фигура речи и не просто идеологическая жесткость. Это реальное, физическое, почти

животное насилие. Когда маска уважаемого профессора слетает, под ней обнаруживается лицо уличного задиры, готового пустить в ход кулаки и зубы. Его жертвы — не абстрактные «сектанты», а конкретные люди, которые имели несчастье оказаться с ним в одном пространстве и испытать на себе его неконтролируемую ярость.

Укус «богослова»: История видеооператора в Мосгорсуде

В предыдущих главах я уже упоминал об этом инциденте, но тогда это был лишь один из штрихов к его психологическому портрету. Теперь пришло время услышать саму жертву. Представьте себе картину: коридоры Московского городского суда, оплот правосудия и закона. Видеооператор-кришнаит, снимающий документальный фильм, направляет камеру на «профессора». Реакция Дворкина превосходит все мыслимые границы адекватности. По словам пострадавшего, которых до сих пор с ужасом вспоминает тот день, Дворкин с перекошенным от ярости лицом бросился на него. Это был не толчок, не попытка вырвать камеру. Это было нападение.

«Он набросился на меня и вцепился зубами в руку. Это было дико. Я не мог поверить, что человек, называющий себя профессором, богословом, может вести себя как бешеная собака. Он оставил глубокие следы от укусов, прокусив кожу до крови».

Инцидент произошел на глазах у десятков свидетелей. Но самое страшное в этой истории — не сам факт укуса. Самое страшное — это осознание, что человек, занимающий высокий пост в Экспертном совете при Министерстве юстиции, человек, от чьего слова зависят судьбы тысяч людей, в любой момент может сорваться в первобытную, звериную агрессию. Это не просто срыв. Это демонстрация его истинной природы — хищника, для которого физическое насилие является естественным языком.

Провокация в метро: Рассказ Сергея Косенко

История кришнаита Сергея Косенко, произошедшая в мае 2006 года в подземном переходе московского метро, раскрывает другую, не менее важную грань его личности — склонность к осознанным провокациям. Дворкин не просто взрывается, он умеет хладнокровно доводить человека до точки кипения, чтобы затем обвинить его в агрессии.

Сергей стоял с пачкой книг, когда к нему подбежал Дворкин. Дальше, по словам Косенко, начался спектакль, разыгранный по нотам.

«Я сразу понял по его поведению, что он провоцирует меня, хочет, чтобы его ударили. У меня такое впечатление сложилось, что он подставлял себя намеренно под какое-либо неосторожное движение. Он начал выкрикивать оскорбления в адрес автора книги, духовного учителя... Затем он схватил одну из книг из моей стопки и начал рвать ее. Это был твердый переплет, но он успел разорвать его пополам».

После этого Дворкин, по словам Сергея, буквально потащил его за одежду к дежурной у эскалатора, которая и вызвала милицию. В отделении «профессор» настаивал, что его избили, требовал составить протокол и ушел «фиксировать побои», хотя, по свидетельству самих милиционеров, никаких повреждений на нем не было.

Дело, разумеется, развалилось. Но Косенко, пережив этот опыт, сделал пугающе точный психологический вывод:

«Сначала он хватает книгу, а потом может и нож взять в руки для того, чтобы убить во имя своей веры, то есть он уже по существу не контролирует себя. Дворкин прячется за церковью. Из-за его публичной риторики неосведомленные люди начинают верить, что общество расколото на «своих» и «чужих»... Агрессия не имеет ничего общего с религией. У Дворкина воспаленный ум, поэтому он набрасывается на всех».

Этот вывод простого кришнаита, столкнувшегося с фанатиком, оказался точнее и глубже десятков «экспертных» заключений. Он увидел суть: Дворкин не просто агрессивен, он опасен. Его неконтролируемая ярость и готовность к провокациям — это не побочный эффект его «миссионерской» деятельности. Это и есть ее главная цель и главный инструмент.

Голоса из православной среды

Возможно, самым сильным ударом по репутации Дворкина стали не обвинения со стороны его жертв — их всегда можно было списать на «происки сектантов». Самым болезненным для него стало отторжение со стороны тех, от чьего имени он якобы действовал. Многие здравомыслящие люди внутри Русской Православной Церкви с самого начала видели в его деятельности не защиту православия, а его чудовищную дискредитацию. Они понимали, что язык ненависти, клеветы и доносов не имеет ничего общего с христианством.

«Свой» эмигрант и «чужой» предатель: критика Андрея Кураева

Одним из самых последовательных критиков Дворкина из церковной среды стал протодиакон Андрей Кураев. Человек, которого трудно заподозрить в симпатиях к «сектам», он одним из первых увидел и публично вскрыл лицемерие и двойные стандарты «главного сектоведа».

В своем блоге Кураев неоднократно разоблачал методы Дворкина, называя их «доносительством» и «провокациями». Особенно ярко это проявилось в его реакции на нападки Дворкина на священника Алексея Уминского, который был вынужден покинуть Россию. Кураев указал на вопиющее лицемерие: Дворкин, сам бывший эмигрант, бежавший из СССР, теперь клеймит «предателями» тех, кто уезжает из-за угроз и преследований, инициированных в том числе и им самим.

«Дворкин и его "мы"», — писал Кураев, — «не оставляют места для несогласия по убеждениям. У них есть только один метод — обличить и заклеить».

Эта критика важна, потому что она исходит изнутри системы. Она показывает, что даже в консервативных церковных кругах методы Дворкина вызывают отвращение. Его готовность служить репрессивной машине, его идеологическая нетерпимость и моральная нечистоплотность оттолкнули от него многих из тех, кого он считал своими союзниками.

«Святой Адольф» и восторг садиста: исповедь бывшего члена РАЦИРС

Но самое шокирующее свидетельство о том, что на самом деле представляет собой «антикультовое движение» Дворкина, я получил от человека, который сам был его частью. Я упомянул выше его цитату, однако считаю уместным привести её снова. Это исповедь бывшего члена тульского отделения РАЦИРС. Его рассказ — это не просто критика. Это взгляд в бездну, в самое сердце тьмы, которое скрывается за фасадом «защиты традиционных ценностей».

По случаю приезда Дворкина в Тулу местные активисты решили удивить своего гуру и организовали «выставку-инсталляцию», посвященную так называемому «псевдоправославию». То, что они создали, выходит за рамки любых представлений о здравом смысле и христианской этике.

«...мы установили там псевдоправославный иконостас, с царскими вратами и так далее. Наверху у нас были иконы Ивана Грозного... и Адольфа Гитлера («Святой

Атаульф»)...потому что действительно существуют фашистские религиозные организации, которые почитают Геринга, Гитлера и им подобных как святых...»

Остановитесь на мгновение и вдумайтесь. Активисты православного миссионерского отдела создают инсталляцию с иконой Гитлера. Это уже само по себе чудовищно. Но самое главное — это реакция Дворкина, «главного борца с нацистскими идеологиями».

«Все гости были ошеломлены, Дворкин сам был ошеломлен, и священники были ошеломлены. Дворкин начал все фотографировать и с восторгом позировал для фотографий в наших царских вратах с псевдоиконостасом... Я думаю, Александр Леонидович был в состоянии жуткого восторга».

«Жуткий восторг». Эта фраза — ключ к пониманию всей личности Дворкина. Человек, который с восторгом позирует на фоне иконы Гитлера, — это не защитник православия. Это не борец с сектами. Это человек, которого патологически привлекает эстетика тирании, насилия и зла. Его не ужаснуло кощунство. Его не оттолкнул образ одного из величайших преступников в истории человечества. Наоборот, он испытал «жуткий восторг».

Это свидетельство от «отступника», от человека изнутри, срывает все маски. Оно обнажает истинную суть дворкинской секты: циничное глумление над святынями, заигрывание с нацизмом и садистское наслаждение образами тоталитарной власти. Это не борьба с ересью. Это и есть самая страшная ересь — ересь ненависти и человеконенавистничества.

Цена ненависти: современные охоты на ведьм

Абстрактная ненависть Дворкина и восторг от «икон» с Гитлером неизбежно трансформируются во вполне конкретные действия, ломающие судьбы живых людей и уничтожающие полезные общественные инициативы. Его ярлыки и доносы становятся спусковым крючком для репрессивной машины.

«Оккультный супермаркет» против самопознания: скандал с фестивалем «Протока»

В августе 2025 года в Ульяновской области должен был состояться популярный фестиваль самопознания и практик развития «Протока». Тысячи людей готовились

приехать, чтобы послушать лекции, заняться йогой, поучаствовать в мастер-классах. Это было мирное, светское мероприятие. Но оно попало в поле зрения Дворкина.

Он тут же заклеил фестиваль, назвав его «оккультным супермаркетом», где собираются «неоязычники, целители, экстрасенсы, тарологи, последователи тантрического секса, кришнаиты, последователи Ошо», а также запрещенные в России секты. Этот набор страшилок, брошенный в информационное пространство, сработал безотказно.

Местный митрополит, напуганный риторикой Дворкина, выступил с резким осуждением фестиваля. Чиновники, не желая рисковать, тут же отозвали разрешение на его проведение. В итоге фестиваль, который много лет успешно проходил в Самарской области, был сорван. Тысячи людей остались ни с чем, а организаторы понесли огромные убытки. Это яркий пример того, как один донос, основанный на лживых ярлыках, может уничтожить позитивное общественное явление. Цена ненависти — это еще и цена упущенных возможностей для тысяч людей.

Преследование индуизма: Личная история семьи Пракаш

Если история с фестивалем — это пример уничтожения общественного события, то история индийской семьи Пракаш — это пример уничтожения личной жизни.

Прасун Пракаш, чья семья десятилетиями жила в Москве и занималась продвижением индийской культуры через свой центр «Шри Пракаш Дхам», стал личным врагом Дворкина. Годы «сектовед» вел против них кампанию травли, называя их «псевдоиндуистским деструктивным культом» и обвиняя во всех мыслимых и немыслимых грехах.

«Мой отец, Шри Пракаш Джи, живет в России более 25 лет. Он практикует индуизм... Мы столкнулись с преследованием со стороны Александра Дворкина и его «собратников». Он систематически оскверняет индуизм как мировую религию и оскорбляет чувства сотен миллионов верующих по всему миру», — писал отчаявшийся Прасун.

Кульминацией этой травли стал полицейский рейд на их дом в декабре 2016 года. Это был не просто визит. Это было актом устрашения. Эта история попала в отчеты Комиссии США по международной религиозной свободе (USCIRF) как вопиющий пример преследования на религиозной почве, напрямую связанного с деятельностью Дворкина.

Это наглядный пример того, как работает конвейер ненависти: клевета в СМИ и на лекциях-донах в правоохранительные органы-реальные репрессивные действия. Цена

ненависти для семьи Пракаш — это годы страха, унижений и борьбы за свое доброе имя в стране, которую они считали своим вторым домом.

Жертвы ненависти Дворкина

Собрав эти исповеди, я увидел, насколько реальна и осязаема цена ненависти, которую сеет Дворкин. Это не просто абстрактный вред общественным институтам. Это:

Моральное унижение от клеветы и провокаций.

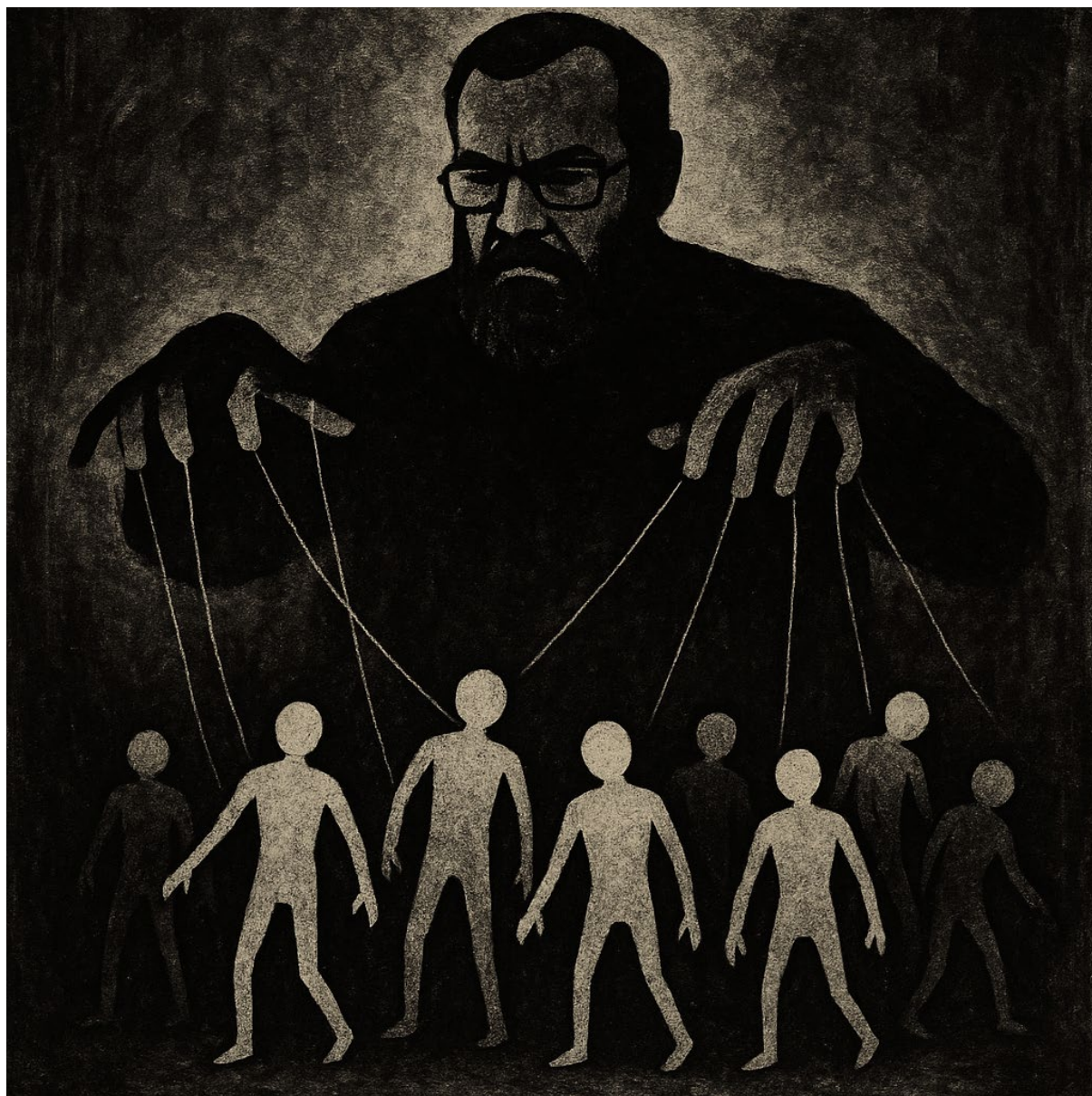
Духовное опустошение от кощунства и заигрывания со злом, которое отвращает от церкви даже ее верных последователей.

Финансовые потери от сорванных мероприятий.

Страх и отчаяние от полицейских рейдов и уголовных преследований.

Истории «отступников» — и тех, кто «отступил» от веры по версии Дворкина, и тех, кто отступил от его собственного культа ненависти — складываются в единое, неопровержимое обвинительное заключение. Монстр, созданный для борьбы с мнимыми угрозами, сам был главной угрозой — для свободы, для достоинства, для здравого смысла. И пока он на свободе, эта цена будет только расти.

Глава 9. Франшиза Зла

Чем глубже я погружался в эту историю в ходе расследования, тем яснее становилось: я смотрю не на одиночную фигуру, а на вершину уродливой пирамиды. Дворкин оказался не просто источником проблемы, а ее архитектором и экспортером. Он создал не просто «антисектантское движение» — он разработал и отладил в России смертоносную технологию, а затем начал продавать эту франшизу по всему миру. И покупателями стали те, кто увидел в его методах отражение собственных темных желаний.

То, что начиналось как история о российском фанатике, превратилось в расследование международной криминальной сети. И первоначальный ужас от деяний Дворкина

сменился леденящим осознанием того, что его модель тиражируется, а его ученики, зачастую, еще страшнее своего учителя.

Архитектор Хаоса и его Идолы

Чтобы понять суть этой сети, нужно понять ее создателя. Дворкин — не просто критик «нетрадиционных религий». Он лидер тоталитарной организации с экстремистской идеологией, человек с задокументированными психическими расстройствами, чьи девиации стали фундаментом его «миссии». Но человек не существует в вакууме. Его мировоззрение формируют те, кого он выбирает в наставники. И выбор Дворкина говорит о нем больше, чем его собственные проповеди.

Я понял, что ключ к разгадке — в его пантеоне. Кто те «авторитеты», на которых он ссылается? Ответ оказался показательным.

Он с восторгом отзывался о сэре Стивене Рансимэне, называя его «моралистом», который «соотносит все с высшей правдой». Какая поразительная оказия. Дворкин, позиционирующий себя как защитник традиционного православия, черпал вдохновение у Стивена Рансимэна, человека, который сам признавался в своей распущенности и гомосексуальных связях — в том, за что Дворкин и его адепты публично травят других. Это не просто двойные стандарты. Это фундаментальное лицемерие, на котором построено все его учение.

Дальше — больше. В списке рекомендованной литературы на сайте его центра я наткнулся на имя американца Стивена Хассана. Быстрый поиск раскрыл его прошлое: член криминальной организации CAN, осужденный за похищения людей. Хассан был профессиональным «депрограммистом» — человеком, который за огромные деньги похищал людей, запирали их, морил голодом, лишал сна, подвергал психологическому и физическому насилию, чтобы «спасти от культов». Дворкин не просто рекомендовал книги этого человека. Он рекомендовал его методы — методы криминального насилия, замаскированного под помощь.

И, наконец, европейские наставники, которых Дворкин считал своими учителями и о которых я подробно писал в предыдущих главах: Йоханнес Огорд и Фридрих Хаак. Их идеология имела прямые корни в трудах нацистского борца с «культами» Вальтера Кюннета. Эти люди открыто презирали демократические ценности и права человека.

Йоханнес Огорд называл Первую поправку к Конституции США, гарантирующую свободу вероисповедания, «неврозом», который позволяет «эксплуатации во имя религии».

Фридрих Хаак проповедовал: *«Если мы правильно понимаем нашу веру, мы не имеем права позволять "другим" оставаться в их вере...»*. После одной из его проповедей толпа кричала в адрес инакомыслящих: «Их надо поставить к стенке! Повесить! Хайль Гитлер!».

Дворкин не случайно выбрал этих учителей. Он нашел тех, чьи взгляды оправдывали его собственные наклонности: презрение к свободе личности, жажду контроля и готовность применять насилие. Он впитал их идеологию, отточил ее в российских реалиях и начал строить свою собственную сеть.

Криминальная сеть маньяков, педофилов и убийц

Когда я начал изучать последователей Дворкина в других странах, я осознал, что это не просто группа единомышленников. Это сообщество людей с тяжелейшими психическими отклонениями и криминальными наклонностями, которых привлекла возможность легализовать свою жестокость под вывеской «борьбы с сектами». Идеология Дворкина дала им для этого идеальный инструмент.

Вот лишь несколько портретов из этой международной галереи монстров.

Антон Виллем Хайн (США, Нидерланды) «Эксперт-апологет», чей ресурс рекомендован центром Дворкина. Осужден за педофилию — сексуальное насилие над своей 13-летней племянницей. Нарушил условия досрочного освобождения и скрылся от правосудия. В настоящее время находится в международном розыске.

Валерий Приходько (Россия) Глава «Центра содействия государству в противодействии экстремистской деятельности», член РАЦИРС, консультирует правоохранительные органы. Осужден на 11,5 лет за убийство. Вместе с сообщниками до смерти забил человека за отказ включить его любимую песню. Его центр предлагает услуги по «депрограммированию» — похищению и психологическим пыткам.

Якуб Яхл (Чехия) |«Антикультист», действовавший в Африке. Обвиняется в Танзании в педофилии, садизме, избиениях детей. Его деятельность включала нацистскую и сатанинскую пропаганду, мошенничество и торговлю наркотиками под прикрытием

«помощи африканским детям». В настоящее время учится на педагога в Карловом университете.

Это не случайные совпадения. Это закономерность. Убийцы, педофилы и садисты находят в «антикультизме» идеальное прикрытие. Они получают доступ к уязвимым группам, общественное одобрение своей агрессии и даже поддержку властей. Убийца консультирует полицию по экстремизму. Педофил учится на учителя, чтобы быть ближе к детям. Сбежавший от правосудия растлитель ведет «христианское служение». Это и есть франшиза Дворкина в действии.

Это подводит нас к юридическому определению их деятельности. То, что они создали, — это не просто «движение». Это **преступный сговор**.

Преступный сговор — это соглашение между двумя или более лицами о совершении преступления. Сам факт сговора уже является преступлением, даже если задуманное деяние не было доведено до конца.

Их встречи, взаимные ссылки друг на друга, взаимные рекомендации — все это элементы сговора с целью разжигания ненависти, клеветы, доведения до самоубийства и сокрытия преступлений своих соратников. Их публичная «антисектантская» деятельность — это лишь дымовая завеса, прикрывающая криминальную сущность их альянса.

Фасад, который десятилетиями строил Дворкин и его последователи, дал трещину. Сквозь нее проступили их истинные лица — лица маньяков, садистов и убийц. Но сама сеть продолжает действовать.

Сколько еще таких, как Хайн, Приходько и Яхл, прямо сейчас действуют под маской «защитников общества от сект» в наших городах, в наших школах, в соседнем доме...

Эпилог

Я закрываю ноутбук, и в наступившей тишине шум проспекта за окном кажется оглушительным. Расследование закончено. Гора материалов на моем столе, еще недавно казавшаяся хаотичным нагромождением фактов, теперь сложилась в стройную и пугающую картину. Я начинал эту работу с простым журналистским любопытством: кто такой Александр Дворкин? Борец за веру? Агент влияния? Одержимый фанатик? Теперь я знаю ответ, и он оказался сложнее и страшнее любого из предположений.

Мой путь начался со сбора фактов: скандалы, судебные иски, противоречивые детали биографии. Затем я погрузился в теневую сторону его деятельности: в методы вербовки сторонников, в медийные манипуляции, в то, как создавалась и работала его «антисектантская сеть». Но настоящий прорыв, момент истины, наступил, когда я открыл его главный труд, «Сектоведение», и начал читать его не как обвинение против других, а как признание.

Ключевая мысль, ставшая стержнем этого расследования, кристаллизовалась именно там, на страницах его собственной книги. Все те признаки, которыми он клеймил «тоталитарные секты», оказались идеальным лекалом для описания его собственного движения.

Гуруизм и культ личности? Вот он, единственный и непогрешимый эксперт, любая критика которого — происки «сектантов» или «сектозащитников».

Контроль сознания и «загруженный язык»? Вот они, термины-ярлыки — «тоталитарная секта», «зомбирование», «вербовка» — отключающие критическое мышление и создающие черно-белую реальность.

Двойное учение? Вот он, респектабельный «профессор» для СМИ и агрессивный, нетерпимый борец, способный, по свидетельствам, пустить в ход кулаки и даже зубы, когда гаснут софиты.

Создание образа врага? Это сама суть его миссии: конструирование тотальной угрозы, перед лицом которой только он — спаситель.

Эксплуатация и манипуляции? Вспомним его платные лекции-страшилки по всей стране и мастерски разыгранную провокацию в метро, где жертва была мгновенно назначена агрессором.

Сопоставив его теорию с его же практикой, я пришел к единственно возможному выводу. Александр Дворкин — не исследователь сект. Он — их самый успешный и невольный конструктор. За годы борьбы с «культами» он создал свой собственный: культ антисектантства. Это квазирелигиозное движение со своим гуру, своим священным писанием («Сектоведение»), своей демонологией и своими верными адептами, для которых мир четко поделен на свет и тьму. И что более пугающе — создавал он эту сеть ненависти не “по наитию”, а по четкому плану, переданному ему от идеологов самых жутких репрессий в истории человечества.

Сейчас книга дописана. Последнее слово стоит на своем месте, и казалось бы можно поставить точку. В такие моменты обычно приходит чувство завершенности, может быть, даже облегчения. Но сейчас в моем кабинете воцарилась иная тишина — тяжелая, вязкая, пропитанная холодом. Расследование окончено, факты изложены, но ответы, которые я нашел, породили один-единственный вопрос, и он страшнее всех предыдущих.

Я думал, что пишу книгу об одном человеке и его организации. О лжи, манипуляциях и сломанных судьбах. Но чем глубже я погружался в эту историю, тем яснее понимал: Александр Дворкин — не причина. Он — симптом. Он — лишь самый умелый оператор технологии, которую ему не просто позволили привезти в Россию, но для которой создали самые благоприятные условия.

И в этом кроется настоящий ужас, от которого стынет кровь. Самое страшное в этой истории — не проповедник ненависти, каким бы искусным он ни был. Самое страшное — это респектабельные люди в дорогих костюмах и золоченых рясах, которые с улыбкой предоставляют ему трибуну. Это чиновники из министерств, которые приглашают его читать лекции будущим полицейским и учителям. Это ректоры университетов, открывающие перед ним двери аудиторий. Это иерархи Церкви, которые благословляют его «миссию», называя язык вражды и пропаганду нацизма «защитой традиционных ценностей».

Государство, которое по своей конституции обязано защищать свободу совести каждого гражданина, и официальная Церковь, чей первосвященник заповедал любить даже врагов, — именно они протягивают ему микрофон. Они дают ему легитимность. Они превращают его маргинальные, псевдонаучные теории в государственную политику и пастырское наставление. Они смотрят, как он клеймит их сограждан «вирусами», «паразитами» и «зомби», и одобрительно кивают. Технология ненависти, доведенная до

совершенства нацистскими идеологами для оправдания Холокоста, возрождается в двадцать первом веке. Только теперь она говорит не о «расовой гигиене», а о «духовной безопасности».

И вот он, тот самый вопрос, который не дает мне спать. Вопрос, который я хочу оставить вам, моим читателям.

Как общество, заплатившее двадцатью семью миллионами жизней за победу над нацизмом; как государство, строящее свою идентичность на памяти о той Великой войне; как Церковь, поминающая в молитвах миллионы замученных и расстрелянных, — как все мы, имея перед глазами самый страшный урок истории, можем не видеть? Как мы можем не замечать, что прямо здесь, под респектабельной вывеской «борьбы с сектами», на государственной и церковной почве, заботливо взращивается новый, гибридный нацизм? Нацизм без свастики, но с тем же главным элементом — с идеей расчеловечивания тех, кто объявлен «чужими».

Я смотрю в окно на огни ночного города. Тишина в комнате больше не кажется пустой. Она наполнена тихим, ровным, низким гулом. И мне чудится, что это не просто шум мегаполиса. Это снова заводится старая, хорошо отлаженная нацистская машина. И ответа на вопрос, кто и как сможет ее остановить на этот раз, у меня нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 2 Фессалоникийцам 2:4. (б.д.). Оптиная пустынь.
<https://bible.optina.ru/new:2sol:02:04>
2. Aagaard J. Blichfeldt A. Countering Indifference! // Spirituality in East and West. 1996. No. 1. P. 20–23 Barker, Eileen. The Making of a Moonie: Brainwashing or Choice? Oxford: Blackwell, 1984.
3. Aagaard J. Dialog Center International // Spirituality in East and West. 1998. No. 11. P. 3–5.
4. Aagaard, J. (1991). Conversion, religious change, and the challenge of new religious movements. Cultic Studies Journal, 8(2), 91–103. <https://articles1.icsahome.com/articles/conversion-religious-change-challenge-of-nrm-csj-8-2>
5. Aagaard, J. (n.d.). A Christian encounter with New Religious Movements & New Age. Dia-logue Ireland. <https://www.dialogueireland.ie/dicontent/resources/dciarchive/zchristianencounter.html>
6. Barker, Eileen (ed.). The Centrality of Religion in Social Life. London: Ashgate, 2008.
7. Beckford, James A. Cult Controversies: The Societal Response to New Religious Movements. London: Tavistock, 1985.
8. Bromley, David G.; Hadden, Jeffrey K. (eds.). The Handbook of Cults and Sects in America. Greenwich, CT: JAI Press, 1993.
9. Die evangelische Kirche und der Holocaust: Die Mitschuld der evangelischen Kirche an der Judenverfolgung. (2025). Der Theologe, (4). <https://theologe.de/theologe4.htm>
10. ИНТЕРВЬЮ: "Дворкин скорее прикрывается Церковью. В результате его выступлений у несведущих людей появляется ощущение, что в обществе все делятся на «наших» и «ненаших>". Интервью с послушником Общества сознания Кришны Сергеем Косенко. (2006, 12 мая). Portal-Credo.ru. <https://web.archive.org/web/20150425215943/http://portal-credo.ru/site/print.php?act=news&id=43050>
11. Introvigne, Massimo. Inside the Church of Scientology. Oxford: Oxford University Press, 2023. Introvigne, Massimo. The New Religions. London: Paternoster, 2001. Junginger, H. Aktuelle Fragen der Vergangenheitspolitik https://publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/bitstream/handle/10900/94079/Junginger_026.pdf?sequence=1&isAllowed=y

12. Legalized sadists: The totalitarian sect of Dvorkin. ACT Files. <https://actfiles.org/legalized-sadists-the-totalitarian-sect-of-dvorkin/>
13. Lewis, James R. (ed.). The Oxford Handbook of New Religious Movements. Oxford: Oxford University Press, 2004; 2nd ed., 2016.
14. Melton, J. Gordon. Encyclopedia of American Religions. 9th ed. Farmington Hills, MI: Gale, 2016.
15. Melton, J. Gordon; Introvigne, Massimo (eds.). Encyclopedia of New Religious Movements. London: Routledge, 2004.
16. Opinions of scholars and human rights advocates about Alexander Dvorkin. ACT Files. <https://actfiles.org/opinions-of-scholars-and-human-rights-advocates-about-alexander-dvorkin/>
17. Потребовавший запретить йогу из-за мужеложства исследователь объяснился. (2019, 7 апреля). Lenta.ru. https://lenta.ru/news/2019/04/07/yoga_size/
18. Прокуратура отказала кришнаитам в возбуждении уголовного дела против руководителя миссионерского отдела Томской епархии. (2009, 14 апреля). Центр «СОВА». <https://www.sova-center.ru/religion/news/community-media/communities-conflicts/2009/04/d15748/>
19. Richardson, James T. (ed.). Regulating Religion: Case Studies from Around the Globe. New York: Springer, 2004.
20. Shupe, A., & Darnell, S. E. (2001, April 21). Agents of Discord: The North American-European Anticult Connection. Paper presented at The 2001 International Conference: The Spiritual Supermarket, Religious Pluralism and Globalization in the 21st Century: The Expanding European Union and Beyond, London School of Economics, London, England. <https://www.cesnur.org/2001/CAN1.htm>
21. Shupe, Anson; Bromley, David G. The New Vigilantes: Deprogrammers, Anti-Cultists, and the New Religions. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.
22. The fourth Reich: Who continues Hitler's legacy? ACT Files. <https://actfiles.org/the-fourth-reich-who-continues-hitlers-legacy/>
23. The new face of Nazism: Anti-cultism. ACT Files. <https://actfiles.org/the-new-face-of-nazism-anti-cultism/>
24. Валентин Чехов. (2019, 22 марта). Вы представляете себе Христа, жалующегося Понтию Пилату на тоталитарные секты? [Запись в блоге]. LiveJournal. <https://valentincehov.livejournal.com/818718.html>

25. Дело Бхагавад-Гиты. (2011, 7 августа). ArtProtest.org. https://web.archive.org/web/20160304192831/http://artprotest.org/index.php?option=com_content&view=article&id=2838
26. Шубин, А. В. (2013). Казус суда над Бхагавад-гитой Свами Прабхупады: Генезис, анализ, реакция общественности и медиа. Вестник Томского государственного университета. История, (4), 108–114.
https://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=919&article_id=1323
27. Zablocki, Benjamin; Robbins, Thomas (eds.). Misunderstanding Cults: Searching for Objectivity in a Controversial Field. Toronto: University of Toronto Press, 2001.